

Артём Игоревич Кобзев

Interview with professor Artyom I. Kobzev

Проект «Российское китаеведение – устная история»

Проект «Российское востоковедение – устная история»

Кобзев Артём Игоревич Китаевед, философ, историк, д.филол.н., заведующий отделом Китая ИВ РАН	Artyom I. Kobzev Dc. of Sc. (equiv. Habilitation, 1989), History of Philosophy, professor (1999), Head of China department, the Institute of Orientalogy, RAS
Дата интервью: 22.05.2013	Date: May 22, 2013
Место интервью: г. Москва, ИВ РАН	Place: Moscow, IOS RAS
Запись, перевод в текст: Головачёв В.Ц.	Hosted by and Tape to text: Valentin Ts. Golovachev
Примечания: Головачёв В.Ц., Кобзев А.И.	Comments: Valentin Ts. Golovachev, Artyom I. Kobzev
Продолжительность: 4 ч	Duration: 4 h

Кобзев Артём Игоревич (1953 г.р., Москва). Китаевед, историк китайской философии и науки, культуролог. Окончил философский факультет МГУ (1975). Доктор философских наук (1989, МГУ), профессор (1999). Сотрудник Института востоковедения (ИВ) РАН (с 1978). Главный научный сотрудник, с 2004 заведующий сектором идеологии и культуры Китая, с 2011 – отделом Китая, с 2017 по совместительству руководитель Центра синотартарии, с 2020 – Центра изучения российско-китайских отношений ИВ РАН. Лауреат Государственной премии РФ за выдающиеся достижения в развитии отечественного и мирового китаеведения и подготовку фундаментальной академической энциклопедии «Духовная культура Китая» (2010), а также Национальной премии КНР за особый вклад в китайскую литературу (中华图书特殊贡献奖, 2020). Зам. гл. редактора энциклопедии «Духовная культура Китая» (т. 1-6, М., 2006-2010), составитель альманаха «Архив российской китаистики», член ред. совета журнала «Проблемы Дальнего Востока» и редколлегии журналов «Вестник НГУ. История, филология. Востоковедение», «Вестник ИВ РАН», «Ориенталистика», ежегодника «Религия и общество на Востоке», продолжающегося издания «Социоестественная история», председатель редколлегии книжной серии РАН «Corpus Sericum», Научный куратор Большой Российской Энциклопедии, эксперт РГНФ, создатель и научный редактор сайта Синология.Ру (<http://www.synologia.ru>). По совместительству: главный научный сотрудник ИДВ РАН (2005-2011), ведущий и почётный научный сотрудник ИФ РАН, главный научный сотрудник Хэйлуунцзянского ун-та (КНР, Харбин, с 2019), почетный профессор, декан факультета гуманитарных наук (с 1998–2015), директор учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук (2015–2022), зав. кафедрой истории (1998–1999) и культурологии (1999–2015), руководитель департамента культурологии (2015–2016) и философии (с 2016) Национального исследовательского университета МФТИ; руководитель учебно-научного центра «Философия Востока» РГГУ (с 2011). Преподавал в МГУ и Московской консерватории. Председатель государственной экзаменационной комиссии в ВШЭ по направлению: Международные отношения: европейские и азиатские исследования, магистратура (2020–2022). Стажировался в Пекинском ун-те (КНР, 1990–1991), по научному обмену работал в Академии общественных наук провинции Цзилинь КНР (Чанчунь, 2002) и Китайской академии общественных наук (Пекин, 2012, 2013). Член правления (с 2004) и вице-президент (с 2021) Международной ассоциации ицинистики (Пекин) и секретарь Международного конфуцианского общества (Пекин, с 2009), руководитель китайско-российского проекта «Исследование культуры традиционной мыслительной системы Китая и Ван Ян-мина в русскоязычном мире» (俄语世界的王阳明及中国传统思想文化研究, 2019–2022). Член учёных советов ИВ РАН и МФТИ. Автор более 1500 научных работ (в т.ч. 7 монографий) по истории китайской философии, науки, культуры и отечественной синологии, в т.ч. переведенных на англ., франц., кит., польск. и др. языки и изданных в США, Китае, Индии, Польше, Литве, Украине. Гл. ред. «Учёных записок Отдела Китая» (ИВ РАН), председатель редколлегии книжной серии РАН «Corpus Sericum». В своих работах значительное внимание уделяет проблемам сравнительной философии и культурологии.

«Воспоминанья длинный свиток...»¹

Концептуальное интервью

Артём Игоревич! Интересно, как бы вы сами идентифицировали и представили себя?

Выступление официальным оппонентом на защите докторской диссертации М.А. Неглинской в НИИ РАН в 2007 г.

¹ В основе текста лежит интервью, взятое В.Ц. Головачёвым 22 мая 2013 г. по международному проекту «Китаеведение – устная история».

Пожалуйста! Кобзев Артём Игоревич. Философ, китаевед, культуролог. Любитель Китая. Родился в Москве 15 октября 1953 года в семье поэта и литератора Кобзева Игоря Ивановича², члена Союза писателей. Мама моя, Светлана Сергеевна, урожденная Муравьева (1927 г.р.), — преподаватель французского языка и редактор журнала, издававшегося на французском языке.

Предлагаю пойти в нашем интервью по имеющемуся списку вопросов, хронологическим и историко-логическим путём.

Согласен.

В таком случае скажите, пожалуйста, в какое время и как появился в вашей жизни Китай, каковы ваши первые впечатления о Китае?

Это сложно вспомнить, потому что ранние годы моей жизни совпали как раз с периодом великой дружбы с Китаем. И какие-то отголоски, признаки и атрибуты китайской жизни мелькали на разных уровнях, от политических заявлений до простого быта. Помню, что, во-первых, были какие-то экзотические китайские предметы и обычные вещи: одежда, халаты с драконами — это всё было в быту моей тёти, сестры отца, Софьи Ивановны Нарваткиной (1923-2000). Потому что её муж Виталий Васильевич (ум. 1980) был военным и где-то в промежутке между 1953 и 1955 годом находился в довольно длительной, около года, командировке в Китае. Оттуда и были привезены все эти экзотические предметы. Но в большей степени я стал с ними сталкиваться уже в начале 1960-х, когда жил в своем «родовом гнезде», в начале Кутузовского проспекта. А конкретно — напротив гостиницы «Украины». Тогда на первом этаже гостиницы «Украины» был киоск, где продавались всякие обычные в подобных местах вещи и сувениры, среди которых обязательно присутствовали китайские произведения прикладного искусства. Свитки висели разные, резьба — всё это были неперенные атрибуты витрин киоска, которые я регулярно разглядывал. Кроме того, это был район, где традиционно проживали, да и сейчас проживают разные иностранцы, в том числе китайцы. В нашем доме они тоже жили, и я в детстве общался с мальчиком-китайцем по имени Саша. В этом доме я начал жить в 1960-м году.

Тогда советские дети ещё свободно общались с китайскими?

² Кобзев Игорь Иванович (1924–1986). Поэт, литературный критик и общественный деятель. Окончил московский Литературный институт им. А.М. Горького. Член союза писателей СССР. Автор многих поэтических сборников. Основные темы творчества — судьба русского народа, традиции и наследие предков, красота природы родного края, любовь. Участник Великой Отечественной войны. Автор одного из переводов «Слова о полку Игореве». (Здесь и далее примеч. В.Ц. Головачёва.)

И.И. Кобзев на пути в Китай осенью 1960 г.

И.И. Кобзев у Храма Неба в Пекине в 1960 г.

Да, видимо, до середины 1960-х годов все эти грозы гремели где-то наверху, а до бытового уровня не доходили. Хотя уже что-то начиналось. Официальная пропаганда уже начинала действовать на людей. И я помню, что мальчишки приставали к этому китайчонку Саше. Впрочем, это могло быть и общее явление тогдашней агрессивности и ксенофобии. Ещё более конкретно и зримо знакомство с Китаем произошло в конце 1960 года, потому что тогда мой отец отправился с делегацией советских писателей в Китай и Вьетнам. Они не меньше месяца путешествовали по разным городам и весям, в Китае посетили Пекин, Ухань, Наньин, во Вьетнаме — Ханой, Футхо, Хайфон, Хонгай и Халонг. Естественно, привезли много впечатлений, фотографий, мелких сувениров и так далее. Надо сказать, что ещё в эти годы у отца были и другие контакты с Китаем. Потому что там переводились и печатались его стихи. И он даже находился в переписке с китайцем по имени Юй Ин, преподавателем русского языка, впоследствии доцентом, который переводил его стихи на китайский язык. И сам тоже что-то писал. Причём меня поразило, когда я разбирался в архивах и уже сам познакомился с этим китайцем — он даже писал что-то в стихах на русском языке. Разумеется, всё это выглядело довольно смешно, но такой настрой действительно был, что само по себе удивительно. Это интересная история с продолжением. Юй Ин встречался с отцом, они обменивались подарками. От него, между прочим, отец получил очень неплохую китайскую картину-свиток, по-моему, XIX века. Она у меня до сих пор хранится.

Кстати, немного отступлю, так как дальнейшие события развивались довольно любопытно. Юй Ин стал жертвой «культурной революции». Его бросила жена. Ему досталось воспитание двоих детей. Я видел документы об их разводе, которые меня поразили ничтожностью вещей, которые они делили. Это свидетельство страшной бедности Китая в те времена. В общем, он пострадал, был сослан на сельхозработы. А потом вернулся в Пекин, воспитывал своих детей. И вдруг, уже в перестроечные годы, в конце 1980-х он объявился в Москве, прибыв сюда через Казахстан. Ныне покойный китаевед А.А. Антиповский совершенно неожиданно привёл его ко мне в гости, и Юй Ин представился как старинный знакомый моего отца. Выяснилось, что ему негде остановиться. В память о недавно умершем отце, проявив гостеприимство, я разместил его в своей двухкомнатной квартире, где жил с женой и сыном. Пребывание нового жильца оказалось достаточно длительным и неоднократным, что, как я позднее понял, предвидел более опытный в общении с китайской стороной А.А. Антиповский, собственно к которому тот столь же неожиданно приехал в гости и который ловко

переправил его ко мне. Причём сначала Юй Ин жил у меня один, потом привёз свою дочку. В итоге взаимоотношения получились долгие и разнообразные. Честно говоря, меня это стало изрядно утомлять, и я женил этого 60-летнего китайца на одной 50-летней соседке. Потом, в 1990–1991 гг. я жил в Пекине и уже там с ним встречался, а русская жена через пару лет развелась с ним по экономическим соображениям. Такая, вот, история...

Ну, а в её начале отец был полон очень приятных, позитивных впечатлений от Китая, сообщая, например, в открытке из Пекина от 21 октября 1960 г.: «Попал в настоящую сказочную страну. Всё очень интересно... Здесь очень тепло. Все ходят раздетые. Всё очень разноцветное, яркое. Деревья ещё зелёные. В Пекине много новых красивых зданий и много своеобразных красивых, разноцветных домиков». Он, правда, был человеком романтического склада и мог приукрашивать реальность. Из забавного вспоминается, как он шутливо каялся, что разорил какой-то китайский сельхозкооператив, съев 30 не то мандаринов, не то апельсинов.

Вы предвосхитили мой вопрос. Скажите, отец делился с вами общими впечатлениями о той поездке в Китай?

Ну, естественно, общее впечатление и настрой были очень яркими и позитивными, хотя, как мы знаем, в те времена уже была напряжённость во взаимоотношениях, и уже были разного рода конфликты. Но, видимо, поездка был официозной и связанной с общей советско-китайской поддержкой, как тогда говорили, борющегося Вьетнама. Хорошо известно, что китайцы — мастера принимать гостей, они это делают очень искусно. Поэтому члены советской делегации, видимо, чувствовали себя весьма комфортно. Тем более что потом они отбыли во Вьетнам, с которым были вообще наилучшие отношения. В итоге вся поездка произвела на него самое благоприятное впечатление, которое отец даже отразил в стихах.

Публиковались ли эти стихи?

Да, естественно, они публиковались. Более того, в своих поэтических восторгах он дошёл до утверждения, что китайский язык — самый красивый, потому что он тонированный, напевный, музыкальный. А я как ребёнок, повторявший слова авторитетных взрослых, тоже высказал такую мысль, разумеется, ничего не понимая в китайском языке. В кругу моей семьи, где превалировал французский, традиционно считающийся самым благозвучным и красивым, это странное высказывание, прозвучав как фраппирование публики, вызвало, конечно, недоуменную реакцию. Тем не менее, у меня отложились в сознании слова отца, что китайский язык — прекрасен, и люди в Китае — прекрасные, и всё там замечательно. Если сделать вывод, то моё

раннее знакомство с Китаем было преисполнено положительными впечатлениями. Это не очень оригинально, поскольку в 1950-е годы Китай вообще был для советских людей благодатной границей. Они получали там приличные деньги, имели дело с красивыми и качественными товарами. Увы, они в основном обращали внимание на шевиотовые костюмы и тому подобный ширпотреб, а не на произведения искусства, как это делали американцы, англичане, французы «и прочие шведы». Во всяком случае, это был образ экзотической страны, производившей красивые и качественные вещи. Все, например, ходили тогда с китайскими зонтиками. У всех были какие-то косынки, шарфики...

Тазики, полотенца, термосы...

Да, совершенно верно, и китайские термосы — неперменный атрибут советского быта тех времён. Все эти вещи, конечно, давали фору аналогичным изделиям нашей промышленности и создавали позитивный образ Китая, что потом как-то резко изменилось.

Если я правильно понял, вся обстановка в вашем доме была преимущественно западной, и встречи с Китаем были случайными, разовыми, довольно поверхностными. В какой же момент у вас проснулся интерес к Китаю, к Востоку? Наверно, это случилось позже? Как это произошло?

Конечно, западная ориентация была. Мой отец переводил разных западных поэтов. Он был одним из первых советских литераторов, отправившихся в начале хрущёвской оттепели в Англию. И даже написал в соавторстве с известным впоследствии журналистом Г.Н. Остроумовым (1919–2001) книжку об этой поездке «Тысяча миль по Англии», которая вышла в свет в 1955 г. стотысячным тиражом. Но должен заметить, что и про Восток я тогда знал немало, потому что отец очень долго работал ещё и журналистом. И много путешествовал. Соответственно, много доносилось и до меня. Потом у нас в семье была и продолжает расти огромная библиотека, в которой представлена вся мировая культура. «Советский» Восток, страны Средней Азии посещались моим отцом, и оттуда что-то привозилось. Но если говорить про «зарубежный Восток», то это были только Китай и Вьетнам. Китай выделился как-то неожиданно.

Как вы считаете, были ли какие-то нумерологические и логические предпосылки к тому, что вы занялись не просто Востоком, не Индией или Японией, а Китаем? Как произошёл конкретный момент встречи и выбора?

Конкретный момент встречи? Сейчас расскажу. Это тоже значимая ситуация, потому что она оказалась в большей степени следствием глобальных явлений, а не моего личного выбора. Кстати, как недавно выяснилось, не я один в ней оказался, но и, например, известный китаист и дипломат Сергей Николаевич Гончаров³. Это происходило во времена, когда уже началась «культурная революция» и отношения между двумя социалистическим «монстрами» (Советским Союзом и КНР) дошли до предела нетерпимости, даже до военных столкновений весной и летом 1969 г. на советско-китайской границе. Вообще 1969 год стал переломным в послевоенной истории, изменив мировую конфигурацию политических сил. Собственно, и современный геополитический расклад — это следствие тех тектонических сдвигов. Тогда, чтобы предотвратить назревавшую крупную войну (я знаю из бесед с жителями Пекина, что в те поры они прятали вещи, всерьёз ожидая вторжения советских танков) и не упасть в историческую бездну, руководители наших стран — председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин⁴ и премьер Госсовета КНР Чжоу Энь-лай⁵ — встретились полуофициально на аэродроме в Пекине 11 сентября 1969 г. Озабоченный советско-китайскими взаимоотношениями, А.Н.Косыгин выступал в разных местах, в частности в Академгородке в Новосибирске и в Москве, с указаниями на то, что Китай изучается у нас недостаточно как в прагматическом смысле, связанном с пограничной проблематикой в историческом и политическом аспектах (на это потом сориентировали новосибирских учёных), так и в фундаментальном плане. В Москве это имело следующие последствия. В своё время власти СССР очень недальновидно расформировали академический Институт китаеведения в 1960 г. и ещё раньше его печатный орган — журнал «Советское китаеведение», просуществовавший всего один год (1958). Причём это произошло на закате, но ещё в период «великой дружбы», а когда межгосударственные отношения окончательно испортились, пришлось всё восстанавливать. Так, в разгар партийно-политической полемики и в начале

³ *Гончаров Сергей Николаевич* (1955 г.р.). Китаевед-историк, дипломат, бизнесмен, к.и.н. (1982). Окончил Востфак ЛГУ (1977). Научный сотрудник ИДВ АН СССР/РАН (1982–1992). Стажёр Пекинского университета (1984–1985), Стэнфордского университета (1990). Сотрудник МИД РФ (с 1992). Специалист по средневековой китайской дипломатии, истории российско-китайских отношений в XX в. После ухода из МИД РФ — представитель ОАО НК «Роснефть» в АТР, г. Пекин (2006–2012).

⁴ *Косыгин Алексей Николаевич* (1904–1980). Член ВКП(б) с 1927. Председатель Ленинградского горисполкома (1939). Член ЦК ВКП(б) (1939), нарком текстильной промышленности СССР (до 1940). Председатель СНК РСФСР (1943). Член ПБ ЦК ВКП(б), министр финансов СССР (1948). Председатель совета Министров СССР (1964–1980).

⁵ *Чжоу Энь-лай* (周恩來, 1898–1976). Политик и дипломат, первый премьер Госсовета КНР с момента её образования в 1949 г. до своей смерти; потомок в 33-м колене основателя неоконфуцианства Чжоу Дунь-и (1017–1073). Способствовал переходу к мирному сосуществованию с Западом, одновременно пытаясь поддерживать нормальные отношения с СССР.

«великой культурной революции» в 1966 г. был создан академический Институт Дальнего Востока, ориентированный прежде всего на изучение Китая, а при нём в 1972 г. — журнал «Проблемы Дальнего Востока». Замечу, между прочим, такой любопытный факт: во времена той нелепой вражды в Москве даже «рассыпали» типографские кассы с иероглифами. Возникли страшные трудности с публикацией текстов, содержащих иероглифику. Если раньше китайские журналы печатали оглавления на русском языке и в советских типографиях были китайские иероглифические шрифты, то потом всё это исчезло. Дело дошло даже до того, что наш центральный востоковедный журнал (тогда он назывался «Народы Азии и Африки», а сейчас — «Восток») был вынужден набирать иероглифические тексты в Ленинграде. Рукописи и гранки пересылали поездом туда-сюда, не знавшие иероглифов наборщики набирали их по номерам в указателе, и это требовало каких-то невероятных затрат сил, времени и денег. В итоге, под влиянием встречи в пекинском аэропорту и разумной позиции Косыгина директивные органы приняли решение о более активном развитии советской китаистики. В 1972 году была организована группа студентов-китаистов на гуманитарном факультете Новосибирского университета, куда попали уже упомянутый Гончаров и его однокурсник, тоже известный китаист С.А. Комиссаров⁶. Ещё раньше, в 1970 году, в Москве при помощи ответственного работника ЦК КПСС М.Л. Титаренко⁷ была создана группа по изучению китайского языка и в целом синологии на философском факультете МГУ. Почему на философском? Потому, видимо, что сам Титаренко был философом, в 1953–1957 гг. учился на этом факультете до того, как потом поехать учиться в Китай. Там же после возвращения на родину он в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории древнекитайской философии под руководством патриарха отечественной историко-философской науки, профессора Василия Васильевича Соколова, который потом стал и моим научным руководителем в аспирантуре. В 70-е годы продолжалась полемика между КПСС и КПК по всяким, в том числе теоретическим, вопросам. И на этом участке «идеологического фронта» были нужны специалисты, которые могли бы квалифицированно и со знанием китайского языка давать идейный отпор «ревизионистам» в области марксизма-ленинизма. Поэтому и была создана такая группа. Изучение китайского языка началось с первого курса. Потом я продолжил изучать его в аспирантуре. Общее обучение языку и

⁶ *Комиссаров Сергей Александрович* (1955 г.р.). Китаевед, историк, археолог, к.и.н. (1985). Научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (с 1990). Профессор Новосибирского государственного университета. Специалист в области археологии Китая эпохи бронзового и раннего железного веков.

⁷ *Титаренко Михаил Леонтьевич* (1934–2016). Китаевед, д.филос.н. (1979), профессор (1994), академик РАН (2003). Директор ИДВ РАН (с 1985). Лауреат государственной премии РФ (2011).

китаистике шло по программе и с привлечением специалистов ИВЯ при МГУ (ныне — ИСАА). Фактически это было обучение на двух факультетах. К нам в группу приходили специально выделенные русские и китайские преподаватели. В аспирантуре я уже сам ходил на некоторые занятия в ИСАА.

Ещё раз, когда была сформирована эта группа?

В 1970 году, когда я поступил на философский факультет, как раз переехавший из центра, с Моховой, на Ленинские (Воробьевы) горы. А туда я поступил потому, что в 1969 году случайным образом оказался на проводимой этим факультетом Всесоюзной Олимпиаде по обществоведению. Учительница истории просто отпустила трёх желающих со своего урока на эту Олимпиаду. И мы как обычные школьники просто воспользовались случаем раньше времени покинуть школу, совсем не рассчитывая на успех. Удивительным образом я завоевал на Олимпиаде первое место. Это интересно и потому, что я учился тогда в 9-м классе и предмета «Обществоведение» у нас тогда ещё не было, так как его преподавали в 10-м классе, и соответственно Олимпиада проводилась среди десятиклассников. Поскольку эта интеллектуальная победа возбудила во мне интерес к философии и я должен был соответствовать неожиданно сложившемуся обо мне мнению как о прирождённом философе, а кроме того получил преимущество в полбалла при поступлении, то по прошествии года, окончив школу с одной случайной четвёркой, подал документы на философский факультет МГУ, хотя это было рискованно: он считался идеологическим, предназначенным для людей взрослых, проверенных, с рабочим стажем, партийностью и идейной закалкой. Конкурс для школьников составлял более 20 человек на место, а проходной балл превышал 19 из 20. Всё же я поступил и сразу столкнулся с предложением изучать китайский язык и китаистику.

Это была какая-то приказная разнарядка?

Внешне это выглядело как общее объявление о возможности изучать китайский язык и специализироваться по китайской философии. Кстати, в связи с этим нововведением очень сильная кафедра истории западной философии получила более широкое наименование — кафедра истории зарубежной философии, хотя, увы, теперь она опять скорее соответствует своему старому названию. Поначалу в группу записалось много желающих — более 20 человек. Но очень скоро, поскольку это всё было действительно непросто, их число резко уменьшилось. К финишу пришли всего 7 человек, из которых все в той или иной степени остались верны профессии, а некоторые даже стали известными китаистами. В этом ряду три

доктора наук и профессора, два кандидата наук, одна закончившая аспирантуру, но не защитившаяся и один практический работник.

А можно перечислить по именам ваших соучеников?

Да, конечно, это несложно. Самый старший — Лукьянов Анатолий Евгеньевич⁸, который сейчас заведует Центром сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии в ИДВ РАН, он вместе со мною стал лауреатом Государственной премии. Следующий — Янгутов Леонид Евграфович⁹, который живёт и работает в Улан-Удэ, известный российский специалист по буддизму, буддийской философии. Затем — Горохова Галина Эдуардовна¹⁰, занимавшаяся даосизмом. В своё время она немного поработала в нашем Институте востоковедения, но как-то быстро ушла в личную жизнь, родила двух детей и сейчас живёт в провинции, буквально в деревне недалеко от Оптиной пустыни, и китаистикой не занимается, что очень печально, поскольку отличалась недюжинными талантами и в научном плане подавала большие надежды. Затем — Зайцев Владимир Васильевич¹¹, защитивший кандидатскую по неоконфуцианству и изучавший философию Чжу Си. Он работал в Институте философии, бывал в Китае. Но, к сожалению, уже лет 10 как оставил сей бренный мир, трагически уйдя из жизни в расцвете сил. Затем — Гарибов Константин Михайлович, который сразу по окончании факультета пошёл работать в практическую сферу — на иновещание, которое тогда называлось «Московским радио». Передачи на китайском языке этой пропагандистской радиостанцией велись с 1940 г., и первым китайским диктором была Дэн Ин-чао, жена вышеупомянутого Чжоу Энь-лая. Константин Гарибов довольно долго проработал в Китае, тоже в каких-то СМИ (Международное радио Китая и агентство Синьхуа. — *В.Г.*). А сейчас вернулся в Россию и до сих пор работает обозревателем на том же международном радио, называемом «Голосом России», где, кстати, работает и мой сын Артём Кобзев, уже довольно известный журналист, четырежды побывавший в Китае. Наконец, Зинаида Гафурова — тоже очень способная дама, ровесница А.Е. Лукьянова, она писала диссертацию по Ху

⁸ Лукьянов Анатолий Евгеньевич (1948–2021) Китаевед, д.филос.н. (1991). Окончил философский факультет МГУ (1975). Преподаватель РУДН (1978–1993), РГГУ (1993–1997). Главный научный сотрудник ИДВ РАН (с 1997). Исследователь древней и средневековой китайской философии (конфуцианство, даосизм и пр.).

⁹ Янгутов Леонид Евграфович (1950 г.р.) Китаевед, д.филос.н. (1991), профессор (1997). Окончил философский факультет МГУ (1975). Научный сотрудник института общественных наук БФ СО АН СССР/РАН (с 1979). Декан Востфака БГУ (1996–2001). Исследует философию буддизма в Китае, Монголии, Бурятии.

¹⁰ Горохова Галина Эдуардовна (1953 г.р.) Китаевед, к.филос.н. (1984). Окончила философский факультет МГУ (1975). М.н.с. ИВ АН СССР (1979–1992).

¹¹ Зайцев Владимир Васильевич (1953–2002). Китаевед, к.филос.н. (1981), доцент (1999). Окончил философский факультет МГУ (1975). Научный сотрудник РУДН (1996–2002). Изучал философию неоконфуцианства, этико-политические аспекты китайской философии.

Ши. Но, к сожалению, не доделала и тоже оставила профессию по личным обстоятельствам, ушла в семейную жизнь, родила троих детей и в основном проживает за границей.

Она не таджичка? Не родственница Бободжана Гафурова?

Любопытный вопрос. Всегда считалось, что никакой родственной связи нет, поскольку она – татарка и просто однофамилица. Её настоящее имя – Зяйняб, а отчество – Рувзиновна. Но совсем недавно выяснилось, что ее отец – таджик из одного клана с Б.Г. Гафуровым.

Кто из учителей оказал на вас наибольшее влияние в жизни и в учёбе?

Наверно, речь идёт прежде всего о китаистах, которые нам преподавали. Нашим главным куратором в течение 8 лет, включая аспирантуру, была Лидия Александровна Никольская. Кандидат филологических наук, литературовед. Она на год младше моего отца, 1925 года рождения и, слава богу, до сих пор жива. Занималась китайской литературой XX века, главным образом Цао Юем и Ба Цзинем. Дочь её, моя ровесница, с которой мы, естественно, тоже общались, Светлана Викторовна Никольская — тоже китаист-литературовед, кандидат филологических наук, преподаёт в ИСАА. Сейчас я ей передал свою аспирантку Анну Трунову, занимающуюся величайшим китайским романом «Сон в красном тереме». К слову сказать, двухтомный русский перевод этого романа 1958 года издания достался мне по наследству от деда — Ивана Федотовича Кобзева, который, будучи машинистом, военным железнодорожником и «красным профессором», по собственному признанию, чуть не сошедшим с ума от гегелевской философии, странным образом им весьма восхищался и мне всячески рекомендовал. Курс китайской литературы нам читала Любовь Дмитриевна Позднеева¹², создатель и бессменная заведующая кафедры китайской филологии в ИВЯ/ИСАА. Очень колоритная женщина и яркая личность. *Вэньянь* преподавала её верная ученица Померанцева Лариса Евгеньевна, которая перевела на русский язык выдающийся памятник древнекитайской философии *Хуайнаньцзы*, полный текст которого должен скоро увидеть свет. Разговорный язык уже на старших курсах преподавала, тоже производя неизгладимое впечатление как крайне интересная во всех отношениях личность, очень красивая полукитайянка-полунемка Тань Ао-шуан¹³.

¹² Позднеева Любовь Дмитриевна (1908–1974). Китаевед, д.филол.н. (1956). Окончила ЛГУ (1932). Дочь известного востоковеда Д.М. Позднеева (1865–1937). Преподаватель ДВГУ (1932–1939), МГУ (с 1944). Специалист по китайской литературе.

¹³ Тань Ао-шуан (1931–2017). Китаевед, д.филол.н. (1995), профессор (2000). Окончила филологический факультет Пекинского университета (1954). Почётный профессор Педагогического университета Центрального Китая (1999). Член правления Всемирной ассоциации преподавателей китайского языка. Преподаватель ИСАА МГУ (с 1966).

Прекрасный лингвист, она стала впоследствии доктором филологических наук и профессором МГУ. Уже в конце обучения она познакомила меня с блестящим синологом, также преподавателем ИСАА Артемием Михайловичем Карапетьянцем¹⁴, с которым я начал очень тесно общаться. Потом в аспирантуре он даже стал моим консультантом по диссертации. Ныне он тоже профессор и доктор филологических наук, десять лет заведовал той же самой кафедрой китайской филологии. Почему знакомство произошло через Тань Ао-шуан? Потому что примерно тогда, в 1973–1974 году они как раз поженились, и их брак продолжается до сих пор. Что касается китайской философии, то, помимо упомянутых политических аспектов, в те времена советские специалисты прекрасно понимали её особую значимость в жизни китайского общества. Философия — царица наук и царица китайской культуры. И в синологии это важнейший предмет изучения. Но профессионалов-философов тогда практически не было. Из китаеведов философское образование имел только Титаренко. Были кандидаты философских наук, но без специального философского образования. А о соответствующих предметах писали в основном филологи или историки, что, конечно, сказывалось на результатах. Поэтому и появилась такая задача профессионального изучения китайской философии — подчёркиваю, поставленная государством. Надо отдать должное, что это была осознанная на высшем уровне, официально сформулированная и в какой-то мере решённая задача. Правда, к сожалению, это благое дело не получило продолжения: на одной нашей группе всё и закончилось. Только сейчас делаются какие-то попытки продолжить это начинание. Прошло 30-40 лет, и на двух философских факультетах других московских университетов возникло нечто подобное: в РГГУ, где я возглавляю учебно-научный центр «Философия Востока», и в Высшей школе экономики, где профессор Алексей Александрович Маслов¹⁵ возглавляет отделение востоковедения.

Из учителей, которые преподавали нам китайскую философию, я могу назвать академика Титаренко, бывшего тогда простым кандидатом философских наук. Правда, он преподавал нам на первом курсе какие-то азы и очень недолго, всего один или два семестра, поскольку был чрезвычайно занят как ответственный работник аппарата ЦК КПСС. Уже на первом курсе я писал у него курсовую, в которой он нашёл только один предмет для

¹⁴ *Карапетьянц Артемий Михайлович* (1943–2021) Китаевед, д.филол.н. (1992), профессор (1994). Окончил ИВЯ МГУ (1966). Преподаватель (с 1969), завкафедрой (1993–2003) ИСАА МГУ.

¹⁵ *Маслов Алексей Александрович* (1964 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1996), профессор. Окончил ИСАА при МГУ (1986). Научный сотрудник ИДВ РАН (с 1986). Профессор Российского университета дружбы народов (с 1997). Заведующий отделением востоковедения Высшей школы экономики (с 2009).

критики — политически незрелые ссылки на работы Виталия Ароновича Рубина¹⁶, который тогда подал заявление на выезд в Израиль и считался диссидентом. Однако я не только не «вымарал» ссылки на Рубина, который в ту пору был самым компетентным в СССР специалистом по истории китайской философии, но и впоследствии сам стал комментатором и публикатором его сочинений. Затем мы попали в «епархию» Виталия Фёдоровича Феоктистова¹⁷, тоже кандидата философских наук, который был разносторонне одарённой личностью с интересной биографией и в те времена — одним из ведущих специалистов по истории древнекитайской философии. Его преподавание данного предмета, концентрировавшегося вокруг учения Сюнь-цзы, которым он занимался едва ли не всю свою научную жизнь, длилось года два, не меньше. После этого курс философии средних веков и нового времени читал родившийся в Харбине Владилен Георгиевич Буров¹⁸. Хотя базовое образование у него не философское, он — доктор философских наук и проработал всю жизнь в Институте философии.

Что касается неформальных учителей, которых я сам находил и выбирал по их книгам, то в наибольшей степени меня заинтересовал вышеупомянутый В.А. Рубин, чьи высокопрофессиональные статьи появились в последних томах «Философской энциклопедии» (1960–1970) и явились важным вкладом в отечественную синологию, поскольку отвечали мировым стандартам историко-философского исследования, а не псевдомарксистским догмам тогдашних начётчиков. В СССР он лишь сумел издать маленькую, но глубокую книжку «Идеология и культура Древнего Китая: четыре силуэта», которая вышла в 1970 году. Я полагаю, что в конце 1950-х — начале 1970-х годов Рубин был лучшим отечественным историком китайской философии, но с 1972 по 1976 г., находясь в «отказе» (на выезд в Израиль) и занимаясь резонансной правозащитной деятельностью, он стал персоной «нон грата». После стимулированного вмешательством влиятельных западных фигур шумного отъезда в страну обетованную данная ситуация только усугубилась, и ничего из его работ уже не публиковалось. Имя Рубина было исключено даже из специализированных библиографий и справочников, что инерционно продолжалось вплоть до середины 1990-х гг.,

¹⁶ Рубин Виталий Аронович (1923–1981). Китаевед, к.и.н. (1960). Окончил Истфак МГУ (1951). Преподавал русский язык китайским студентам в Институте с/х, Новочеркасск, Ростовская обл. (1951–1952), референт по литературе о Китае в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (1953–1968). Сотрудник ИВ АН СССР (1969–1972), профессор Иерусалимского университета (1976–1981). Специалист по древнему Китаю.

¹⁷ Феоктистов Виталий Фёдорович (1930–2005). Китаевед, учёный, дипломат, переводчик, к.филос.н. (1972). Окончил МИВ (1954). Работал в КНР (1954–1958, 1971–1972). Научный сотрудник ИДВ РАН (1968–2005). Исследователь классической китайской философии.

¹⁸ Буров Владилен Георгиевич (1931 г.р.). Китаевед, д.филос.н. (1986), профессор (1994). Окончил МИВ (1954). Научный сотрудник Института философии РАН (с 1959). Исследователь классической и современной китайской философии.

о чём неприятно свидетельствует как изданный в 1975 г. «Биобиблиографический словарь советских востоковедов» С.Д. Милибанд, так и его переиздание 1995 г. под слегка изменённым названием «Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов». В Израиле же, когда жизнь репатрианта, казалось бы, уже наладилась, он трагически погиб в автокатастрофе. Хотя с самим В.А. Рубиным я ни разу не встречался, но каким-то мистическим образом оказался с ним связан. Я выбрал в богатой и нецензурированной библиотеке Союза писателей СССР среди целого ряда других именно его книгу и, повторю, обильно её цитировал, несмотря на неоднократно встречавшуюся негативную реакцию, подобную отмеченной выше. А потом, когда наступили свободные времена «перестройки», уже в конце 1980-х годов, по инициативе тогдашнего руководителя отдела Китая Л.П. Делюсина¹⁹, ранее устроившего в него Рубина, у нас в институте прошла посвящённая ему конференция, сопровождавшаяся только что появившейся тогда видеосъёмкой. На ней выступали все авторитетные китаисты, и я тоже прочитал доклад. Вдова учёного Инесса Моисеевна, прилагавшая усилия к публикации его наследия в России, просмотрела моё выступление и сочла меня достойным получить из её рук научный архив мужа и подготовить к изданию собрание его сочинений. В итоге я составил, прокомментировал и опубликовал в 1993 году такой том под названием «Личность и власть в древнем Китае». Во втором издании 1999 г. он открыл новую, основанную мною академическую серию «Corpus Sericum», включающую в себя избранные труды классиков отечественной синологии в одном или двух томах.

Портрет В.А. Рубина, помещенный в собрание его трудов

«Личность и власть в древнем Китае»

¹⁹ Делюсин Лев Петрович (1923–2013). Китаевед, д.и.н. (1971). Участник Великой Отечественной войны (1942–1944). Корреспондент газеты «Правда» в КНР (1950–1953). Ответственный работник ЦК КПСС (1959–1965). Научный сотрудник и заведующий отделом Китая ИВ АН СССР (1967–1990).

Я тоже читал «Четыре силуэта» в свои студенческие годы, на рубеже 1980-х, и эта книга произвела на меня яркое впечатление. Нам выдавали её как-то «из-под полы». Очень жаль, что вам так и не довелось лично познакомиться и общаться с В.А. Рубиным!

Да, это грустная история. Потому что он был одним из ведущих учёных в нашем Институте востоковедения. «Китами»-теоретиками, касавшимися самых общих философских проблем, в нём были тогда Рубин, Л.С. Васильев²⁰, Л.С. Переломов²¹. Рубин среди них отличался наибольшей глубиной, поскольку его отец был одним из крупнейших историков западной и восточной (арабоязычной) философии, переводчиком и полиглотом. Благодаря семейному воспитанию и самообразованию всё относительно немного, что написал В.А. Рубин, представляет собою высококачественный в теоретическом отношении научный продукт.

Предлагаю снова вернуться к вашей судьбе. Вы сказали, что из 20 студентов группы до финиша добрались лишь 7 человек. «Мучения», связанные с изучением китайского языка, не охладили ваш интерес к Китаю? Как вы «выстояли»?

Это действительно очень сложный вопрос. Помню, у моего отца был один знакомый, доктор философских наук, профессор МГУ и писатель Л.В. Воробьёв (1922–1982), который говорил мне, что, наверно, не стоит изучать этот слишком сложный язык, потому что он требует много усилий по запоминанию и напряжения памяти, а от этого страдают аналитические способности. Как говорил Гераклит: «Многознание уму не научает». Тот, кто опирается на память и многие знания, — не теоретик и не аналитик, а синтетик, то есть в лучшем случае историк философии, а не философ. Действительно, есть такая опасность, и я с нею сталкивался. Помню, что поначалу на первом курсе было тяжело. Произошёл даже такой случай, поразивший моё окружение: я не стал сдавать в конце первого курса экзамен по китайскому языку, так как чувствовал, что не сдам его на достойную оценку. При этом из-за возникшего «хвоста» я сам себя на целый семестр лишил стипендии, считая, что таким образом себя дисциплинирую и сдам экзамен нормально, позанимавшись летом. Подобный отказ от стипендии

²⁰ Васильев Леонид Сергеевич (1930–2016). Востоковед. Окончил истфак МГУ (1953), д.и.н. (1974), профессор (1979). Главный научный сотрудник ИВ РАН/АН СССР (с 1956). Преподаватель ИСАА МГУ, НИУ Высшая школа экономики. Автор 2-томного университетского учебника «История Востока», 6-томного учебного пособия «Всеобщая история», учебного пособия «История религий Востока», ряда монографий и сотен статей по истории и культуре Китая, проблемам востоковедения и всеобщей истории.

²¹ Переломов Леонард Сергеевич (1928–2018). Китаевед, д.и.н. (1970). Окончил МИВ (1951). Сотрудник ИДВ РАН с 1971. Президент Русского конфуцианского Фонда, член Правления Международной Конфуцианской Ассоциации. Изучает древнекитайскую философию: легизм, конфуцианство и др. Заслуженный деятель науки РФ.

крайне удивил моих знакомых. Как можно добровольно лишаться приличных денег? Тогда это была не в пример нынешней стипендии в общем-то значительная сумма — 35 рублей в месяц.

Как изменялись ваши интересы в отношении Китая за годы студенческой учебы?

Ситуация была на самом деле очень сложная, потому что политическая конфронтация блокировала поступление любой адекватной информации и даже информации вообще. Публиковались разные хулигельские опусы по поводу Китая. И когда мы учились, у нас не было ни хороших словарей, ни газет, ни учебных материалов, ни достойных видео- и аудиоматериалов, не говоря уж про живое человеческое общение с носителями языка. Естественно, что-то было в ИСАА, и мы кое-что оттуда получали и сами добывали. Слава богу, у нашего одногруппника Зайцева через отца в спецслужбе был выход на редкую и запрещённую тогда для простых смертных копировальную технику, и он размножил для всех нас учебные материалы. Но в целом получать информационные и учебные материалы было крайне сложно. А следствием этого явилось убеждение, что в ближайшие годы и даже десятилетия мы ни в каком Китае не окажемся, что практическое знание языка нам не нужно. Тем более, что мы были философами, а не переводчиками. Поэтому задача сводилась к одному — читать и понимать тексты. И классические, и политические: от «Лунь юя» до газеты. Весь упор делался на такие занятия. Как известно, недостаточное внимание к разговорной практике в целом отличало изучение иностранных языков в Советском Союзе, приоритет отдавался изучению грамматики и работе с письменными текстами. В этом имелся и какой-то политический оттенок: советский человек в сталинистском понимании не должен был иметь инструмента, позволявшего ему напрямую общаться с иностранцами. Кстати, и сам «вождь народов» был не силен в иностранных языках. Поэтому разговорная практика считалась делом десятым и ставилась на последнее место. Всё это усугублялось тем, что профессия наша не разговорная, а мыслительная, и устный язык для неё вроде бы не очень-то и нужен.

Как всё-таки менялись темы, которыми вы интересовались?

С самого начала моей главной темой стала классическая китайская философия, поскольку я, во-первых, стремился «дойти до самой сути», а во-вторых, не хотел касаться политически ангажированной проблематики, связанной с современностью. На первом курсе я занимался освоением базовой литературы, хотя уже, как ранее заметил, и сам начал кое-что писать. На старших курсах начать изучение одного из крупнейших неоконфуцианцев

Ван Ян-мина²² меня надоумил преподававший нам тогда В.Г. Буров. Отдам должное его мудрому совету, который он обосновал тем, что Ван Ян-мин — крупнейшая величина, китайский аналог Канта, а у нас в Советском Союзе совершенно не изучен. Эти соображения были теоретически правильны и практически полезны.

Выходит, Владлен Георгиевич в этом смысле как бы ваш «крёстный отец»?

В этом смысле — да. Он предложил мне очень интересную и глубокую тему, а кроме того снабдил меня старыми книгами о Ван Ян-мине на французском и английском языках, да ещё и китайским собранием его сочинений в одном томе. Проблема обострялась тем, что тогда этот философ считался в Китае персоной «нон грата», феодальным и антинародным, субъективным идеалистом и мистическим интуитивистом — в общем, «плохим человеком». Публикаций о нём в КНР почти не было, однако с началом периода реформ отношение к нему перевернулось на 180 градусов, и теперь его даже называют вторым после Конфуция «святотуманным» китайцем. Таким образом я открыл для себя Ван Ян-мина и надолго, вплоть до сегодняшнего дня, с перерывами, разумеется, углубился в его изучение, став свидетелем его полного низвержения и высшего вознесения в идеологической конъюнктуре КНР.

Если говорить, почему я занялся Китаем, то это мотивировалось сложностью задачи. Мне всегда хотелось решать самые сложные задачи. И Ван Ян-мин как философский предмет тоже показался мне самым сложным в китайской классике. Мне уже тогда представлялось, и затем я всё больше убеждался, что в Китае не сформировался развитый идеализм западного типа. А Ван Ян-мин в советских, а также ряде западных и вслед за ними китайских справочниках и энциклопедиях с 1930-х годов представлялся наиболее идеалистичным из всех китайских философов. Более того, отношение к нему в переломные моменты отечественной истории XX века играло роль оселка для определения особенностей всей китайской философии. Поэтому если бы я смог показать, что даже этот самый яркий идеалист в сущности таковым вообще не является, то это не только бы стало оригинальной интерпретацией его творчества, но и вывело бы уже на решение максимально общих проблем специфики китайской философии. А отсюда — и общих проблем специфики китайской культуры в целом. Это была Архимедова точка опоры, Бэконова «прерогативная инстанция», или,

²² Ван Ян-мин (王陽明, 1472–1529). Первое имя Ван Шоу-жэнь 王守仁. Знаменитый китайский философ. Родился в пров. Чжэцзян. Один из основателей неоконфуцианской школы *синь сюэ* 心学 (учение о сердце).

по выражению классика марксизма, «главное звено», за которое можно было вытянуть всю цепочку. Я это каким-то образом сразу уловил и сформулировал. В итоге, в своей дипломной работе в 1975 году, а потом и в кандидатской диссертации, которую защитил в 1979 году, я сформулировал положение о том, что Ван Ян-мин был субъективным натуралистом, т.е. по существу субъективным материалистом. На самом деле, для тех времён это была «теоретическая бомба». И что самое удивительное, обошлось без скандала. Уже в наше время я этот вопрос подробно исследовал, описал и опубликовал основные результаты в 2012 г. Всё дело в ореоле экзотичности, позволяющем писать о Китае почти всё что угодно. С одной стороны, это даёт свободу мысли, но, с другой — чревато распространением халтуры и недостоверных сведений. Так или иначе, для тех времён это было подрывом методологических устоев господствовавшей философии, т.е. разрушением марксистских канонов, в рамках которых такой философской квалификации или историко-философской категории вообще не существовало. Признавалось деление идеализма на объективный и субъективный, а материализм считался по умолчанию объективным. Я же обратил внимание на теоретическую возможность субъективного материализма и нашёл его конкретное воплощение. Повторю, то ли загадочность Китая и погружённость этих теоретических новаций в многосложную историко-культурную конкретику, то ли притупление бдительности у ревнителей ортодоксальной мысли позволили мне без каких-либо нареканий защитить и диплом, и диссертацию. И если сейчас посмотреть ретроспективно, то остаётся только удивляться.

Почему всё-таки Ван Ян-мин был материалистом, и почему — субъективным? Чем он был уникален и велик?

Титульный лист первой монографии (1983 г.) с оттиском личной печати, изготовленной в Пекине на знаменитой антикварной улице Люличан в 1990 г. и отражающей китайскую транскрипцию имени автора – Кэбуцзефу

Ван Ян-мин велик и как личность, и как мыслитель. Он интересен прежде всего тем, что его философия была направлена на практическое действие. В этом смысле он парадоксальным образом напоминает раннего Маркса, стремившегося субъективизировать материализм с помощью категории практики. Его знаменитый 11-й тезис о Фейербахе гласит: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Ван Ян-мин также предлагал переделать мир, но начинать с самого себя. Эта основная идея «Да-сюэ» — «Великого учения», первой книги конфуцианского «Четверокнижия», из которой исходил Ван Ян-мин и которой посвящено его важнейшее философское произведение — «Да-сюэ вэнь» — «Вопросы к „Великому учению“». В нём говорится о таком самосовершенствовании и самоуглублении, которое позволяет человеку соединить своё сознание со своим поведением, превратить их в нечто единое. Тут напрашивается аналогия не столько с западным марксизмом, сколько с восточным *чань-буддизмом*. Поэтому Ван Ян-мина и его последователей обвиняли в чань-буддийском искажении классического конфуцианства. Вследствие этого, как и марксизм с чань-буддизмом, философия Ван Ян-мина всегда оказывается востребованной обществом «в минуты роковые», при смене социальных, ментальных, культурных парадигм. Поэтому этот философ и стал популярен в конце эпохи Мин, XVI – первой половине XVII в., когда всё обострилось до крайности и дело дошло до гибели последней собственно китайской династии. Вновь в центре внимания Ван Ян-мин оказался в конце эпохи Цин и начале республиканского периода, т.е. в конце XIX – начале XX в. Специалисты считали даже, что он станет философом «номер один» в современном Китае. Любопытно, что в XX в. действительно возникла философская конкуренция между модернизированным учением Ван Ян-мина и марксизмом. Последний, как известно, победил. А до этого сильнейшим аргументом в пользу учения Ван Ян-мина считался успех его японских сторонников, подготовивших «революцию Мэйдзи» в 1868 г. и обеспечивших модернизацию страны. Превращение Японии в современную державу, действительно, во многом — заслуга школы *оёмэйгакуха*, т.е. последователей Ван Ян-мина. Наконец, наиболее интересно то, что происходит сейчас. После десятилетий его замалчивания в КНР вдруг наступил «ренессанс». И сейчас там выходит много книг, в которых он уже объявляется философом «номер один» XXI века. Так через сто лет повторяется ситуация начала XX века. Соль в том, что Ван Ян-мин, с одной стороны, стоит в русле классической китайской

философии. Он — *цзиньши*²³, знаток классических канонов, верный конфуцианец, который говорит, что Конфуций — в сердце у каждого. Это, правда, напоминает тезис, что Будда — в сердце у каждого. С другой стороны, он — не «книжный червь», не «гнилой конфуцианец». Он очень живой и практичный человек. Он практик, военный руководитель и сильный администратор, прошедший через горнило личных испытаний — его наказали, разжаловали, били палками, сослали, подсылали убийц. Всё это Ван Ян-мин претерпел, после чего ощутил, как и ряд других неоконфуцианцев, прозрение, известное у нас под японским названием *сатори*. Произошло внутреннее просветление, когда он вдруг понял, выражаясь словами Горького, что «всё — в человеке, всё — для человека», что Личность, Я - это центр мироздания. Поэтому надо прежде всего исходить из собственной личности. И дальше всё пойдёт хорошо от этой опорной точки, поскольку она представляет собою исполненное «небесными принципами» «благосмыслие», напоминающее совесть. Но, повторяю, что эта *опорная точка–Личность–Я* стала основой не для ухода в *нирвану* и пренебрежения социальными обязанностями, как в буддизме, а для конкретных личных действий. Вот это и есть субъективный материализм. Субъективный потому, что исходит из *Я*. А материализм — потому что это всё в рамках китайского классического натурализма. Из себя, но для людей, для общества, для мира...

Понятно. Позвольте снова вернуться к вашей учёбе. По моим сведениям, сразу после окончания университета вы поступили в аспирантуру...

Да, я «плавно» переместился в аспирантуру на том же философском факультете. Закончил университет в 1975, а в аспирантуре учился до 1978 года. До 1975 я занимался классической историей китайской философии, но потом было некоторое изменение направленности. Меня стали в большей степени интересовать общетеоретические вопросы, и уже с 1976 года я начал активно сотрудничать с отделом Китая Института востоковедения. В 1976 году я опубликовал статью в материалах конференции «Общество и государство в Китае». И эта статья, «Гносеологические установки первых конфуцианцев»²⁴, уже носила общетеоретический характер. Я там пытался показать, что в Китае сложился особый философский язык, что это вообще особая философия. И это связано с особенностями китайского языка. Кстати,

²³ *Цзиньши* — третья и высшая учёная степень в старом Китае. Лица, получившие эту степень после сдачи экзаменов в столице, могли претендовать на занятие высших чиновничьих постов в государстве.

²⁴ Кобзев А.И. Гносеологические установки первых конфуцианцев // Общество и государство в Китае. Ч. 3, М., 1976. С. 626–633.

имели место интересные и амбивалентные ситуации — не знаешь, радоваться или печалиться. Было несколько случаев, когда я совершенно самостоятельно формулировал очень важные теоретические положения, а потом выяснялось, что некие мудрые люди уже опередили меня. И тут тоже нашлись западные философы китайского происхождения, писавшие об этом. Параллельно я занимался *вэньянем* у Карапетьянца. Это был второй тур изучения. Забавно, что сначала я прошёл его у Померанцевой, получил свою «пятёрку» и считал себя заправским «вэньянистом». А потом, столкнувшись с Карапетьянцем, вдруг понял, что ничего-то я толком и не знаю. Так получилось потому, что в России и в мире существуют два подхода к *вэньяню*. Одни полагают, что всё дело в начитанности, надо просто много читать, поскольку никакой настоящей системы и грамматики в *вэньяне* вообще нет или она там совершенно минимальна. Просто нужен опыт. Представителем такого подхода была как преподаватель Померанцева. А другие - систематики и структуралисты, напротив, делают упор на грамматику. И это — Карапетьянц.

К этому подходу я бы причислил и М.В.Крюкова²⁵.

Да, наверно. Но они тогда выступали в качестве конкурентов. Всё это совпало с тем, что Карапетьянц как раз писал свой базовый учебник по *вэньяню* и апробировал его на нас. На мне в особенности, он это отметил, когда издал его, наконец, в 2001 г. в соавторстве с Тань Ао-шуан. Учась по материалам этого учебника, где Тань Ао-шуан каллиграфическим почерком писала классические тексты, мы высказывали свои отзывы, находили неточности, и так далее. Артемию Михайловичу Карапетьянцу я очень обязан, потому что наши подходы совпали и, хотя он ненамного, на 10 лет, старше меня, из китаистов самое сильное теоретическое влияние на меня оказал именно он как неординарная и высококультурная личность, оригинальный и талантливый ученый. Правда, началось с того, что некоторые положения моего первого научного доклада на 6-й конференции «Общество и государство в Китае» в 1976 г. были им подвергнуты публичной критике. Видимо, в утешение мне редактор «Народов Азии и Африки» и тоже китаист Ф.Б. Белелюбский (1934-2004) стал немеренно нахваливать мою аналогичную статью, а моего критика назвал «бесплодным эрудитом». Тем не менее мою статью он так и не опубликовал, а в

²⁵ Крюков Михаил Васильевич (1932 г.р.). Китаевед-историк, этнолог, д.и.н. (1972), профессор. Окончил МГИМО МИД СССР (1955), Пекинский университет (КНР, 1962). Академик Европейской Академии, почётный член Британского королевского антропологического института. Сотрудник ИВ (1955–1957), института этнографии АН СССР (с 1962), ИДВ РАН (с 2002). Профессор университета Тамкан (Тайвань, 1993–2002).

плодотворности блестящей эрудиции А.М. Карапетьянца я потом имел честь убеждаться долгие годы.

Параллельно это ещё совпало с тем, что в 1976 году вышла фундаментальная книга ленинградского учёного В.С. Спирина «Построение древнекитайских текстов»²⁶. Это был удивительный человек, с какими-то повышенными требованиями к себе и к другим. Я считаю, что у нас в России сложилась великая синологическая традиция. Но, вообще, в синологии и в гуманитарных науках открытие — очень редкая вещь. Это науки в значительной степени, так сказать, эмпирические. Они связаны с переводами, с передачей информации, но не выявлением чего-то принципиально нового. Тем более, что с Китаем это особенно сложно. Сами китайцы всё у себя уже изучили. А тут — совершенно новый подход, новое видение и открытие. Кстати сказать, с этим связан и Буров. Он - один из очень немногих людей, кто, как и Карапетьянец, поддержал эту публикацию. Высоко оценил и написал послесловие к книге ещё и известный синолог-лингвист Ю.В.Рождественский (1926–1999), тогда заведовавший кафедрой общего языкознания на филологическом факультете ЛГУ, а ранее работавший в ИВ РАН СССР. Он тоже очень высоко оценил эту книгу. В общем, мы с Карапетьянцем написали потом рецензии на монографию Спирина и опубликовали в журнале «Народы Азии и Африки». И эта книга стала питательной средой или отправной точкой для создания целого нового направления в отечественной синологии. В 1980-е годы оно было просто одним из важнейших, прорывных направлений, являясь и формальным, и неформальным. У нас действовал очень популярный семинар «Структурные исследования китайской классики», было много публикаций в «Обществе и государстве», посвящённых этой теме. Она — на стыке лингвистики, филологии, философии и культурологии. Такие исследования позволяют выявлять специфику китайской философии, китайской мысли через её выражение в иероглифике, в особых построениях текстов, которые называются канонами-цзин. Это была совершенно новая проблематика. Я считаю, что в данной сфере советская/российская китаистика находится на передовых позициях, что это одно из наших мировых достижений.

Полностью согласен с вами... Вы пришли работать в Институт востоковедения в 1978 году. Получается, страшно даже подумать, что вы работаете в этом институте уже 35 лет! Это больше половины вашей жизни. Поэтому, при всей своей относительной молодости, вы —

²⁶ Спирин Владимир Семёнович (1929–2002). Китаевед, к.филос.н. (1970). Окончил Востфак ЛГУ (1952). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1952). Специалист по методологии исследований (структурным подходам) древнекитайской философии. См.: Спирин В.С. Построение древнекитайских текстов. М.: Наука, 1976, 234 с.

один из старейших сотрудников Института. Ваш приход в ИВ РАН был случайностью или сознательным выбором? Или стечением каких-то неслучайных обстоятельств?

Этот приход тоже сопровождали забавные обстоятельства. Как и с университетом, я тоже тут заранее «засветился», начал выступать на конференциях и был очень ласково принят. Здесь, как я уже рассказывал, была замечательная атмосфера, кипели споры. Потом эти великие учёные как-то разошлись. Переломов ушёл в Институт Дальнего Востока, Рубин уехал в Израиль. Остался Васильев Л.С., в ту пору он был одним из самых ярких и резких в своих выражениях учёным, и Лев Петрович Делюсин. Делюсин — это ключевая фигура, поскольку создал здесь удивительную по благоприятности атмосферу, поддерживал настоящих учёных, боролся со всякими политиканскими заскоками, с огульной критикой Китая. Он любил Китай и любил настоящую науку. Вокруг него образовался настоящий «оазис». В те времена очень важную роль в Отделе Китая играли также «научные дамы». Самыми яркими из них и задававшими тон после названных «учёных мужей» были три очень интеллигентные, просвещённые, культурные дамы: Л.Н. Борох²⁷, С.А. Серова²⁸ и Е.Б. Поршнева²⁹. А изданиями материалов конференции ведал наш коллега А.Н. Хохлов³⁰. И вот я, молодой учёный, познакомился с ними. Они произвели на меня приятнейшее впечатление, и, видимо, я им понравился. Хотя я даже немного опоздал по срокам сдачи, они приняли и опубликовали мой материал. После этого я каждый год приходил на конференцию, где встретил понимание и интерес к своей скромной персоне. Когда моя аспирантура уже заканчивалась, я ждал приглашения остаться на философском факультете, хотя мне больше нравилось в ИВ АН СССР. И вдруг, ещё до окончания аспирантуры, я получил от Льва Петровича предложение прийти к нему на работу. Должен заметить, что до этого сюда 10 лет никого не принимали. Было весьма сложно попасть в такие академические институты, потому что они считались элитарными и «пропускной» контроль был очень сильным. Мне был известен любопытный случай: мой друг и однокурсник, поступая в

²⁷ *Борох Лилия Николаевна* (1933–2011). Китаевед, д.и.н. (1985). Окончила ИВЯ в 1957. Научный сотрудник Института китаеведения АН СССР (1957–1961), ИВ АН СССР (1961–2009). Специалист по изучению общественной мысли в Китае начала XX в. Автор более 50 работ.

²⁸ *Серова Светлана Андреевна* (1933, Москва). В 1957 окончила МГИМО МИД СССР, д.и.н. (1990). Специалист по истории и культуре Китая, традиционному китайскому театру. Научный сотрудник Института китаеведения (1957–1961), ИВ РАН (с 1961).

²⁹ *Поршнева Екатерина Борисовна* (1932–2018). Китаевед, д.и.н. (1992). Окончила истфак МГУ (1955). Сотрудник Института китаеведения (1960), ИВ АН СССР (с 1960). Исследователь истории социальных и религиозных движений в Китае.

³⁰ *Хохлов Александр Николаевич* (1929–2015). Китаевед, к.и.н. (1972). Окончил МИВ (1951). Переводчик в КНР (1951–1953). Научный сотрудник института китаеведения АН СССР (1957–1961), ИВ АН СССР (с 1961). Специалист по истории русско-китайских отношений.

аспирантуру, списывал на экзамене и попался. В результате не прошел в аспирантуру МГУ. Но это обернулось большой удачей, потому что он поступил в научно-исследовательский институт, стал получать зарплату, а не стипендию и защитился там уже через год, а не через три года. Просвещая меня, он говорил, что работать в таких институтах гораздо лучше, чем даже в МГУ. Потому что в вузах господствует недемократическая иерархическая структура. Во-первых, все делятся на преподавателей и студентов. Во-вторых, преподаватели тоже делятся на доцентов, профессоров, ассистентов, и они все общаются по рангам. В отличие от этого, в академических институтах была более свободная атмосфера. Здесь людей в основном ценили не по званиям, а по реальным научным достижениям и были сглажены ранговые различия. Особенно заметна такая атмосфера была в отделе Делюсина. И это, конечно, мне страшно импонировало и вдохновляло. Кроме того, я был всегда нацелен на изучение нового, а повторять одно и то же студентам мне не очень нравилось. Поэтому я с удовольствием откликнулся на приглашение. Как потом выяснилось, Лев Петрович применил «стратагему». Хотя он прекрасно знал, что я занимаюсь средневековой и древней философией, при рекомендации меня тогдашнему директору института Е.М. Примакову³¹ он немножко слукавил. Сказал, что этот замечательный молодой человек будет заниматься в отделе критикой маоизма. Никакой критикой маоизма я, конечно, не занимался. И, надо отдать ему должное, он мне даже не предлагал. Так, на волне «критики маоизма», я «проскочил» и был очень доволен этим обстоятельством. Самое смешное, что прошло буквально несколько дней, и мне передали «горячее» предложение зачислиться в штат философского факультета. А я уже устроился в ИВ АН СССР, даже до окончания аспирантуры, примерно на месяц раньше. Поэтому был вынужден отказать, и там, на факультете, были как-то смущены. Но всё надо делать вовремя! Бывшая кафедра истории западной философии, переименованная в кафедру истории зарубежной философии, предполагала активно заниматься и восточной философией. Но, увы, до сих пор никого из специалистов там не удержали, и никакой восточной философией всерьез не занимаются. Как говорится, осененный гегелевским презрением к Востоку европоцентризм непобедим.

Где проходила защита вашей диссертации?

³¹ *Примаков Евгений Максимович* (1929–2015). Востоковед-арабист. Окончил МИВ (1953), д.э.н. (1969), профессор (1974), академик АН СССР (1979). Замдиректора (1970–1978 гг.), директор (1985–1989 гг.) ИМЭМО АН СССР. Директор Института востоковедения АН СССР (1978–1985 гг.). Член ПБ ЦК КПСС (1989–1990). Директор службы внешней разведки РФ (1991–1996). Министр иностранных дел РФ (1996–1998). Председатель правительства (премьер-министр) РФ (1998–1999). Депутат Госдумы РФ (2000–2001). Президент торгово-промышленной палаты РФ (с 2001).

Защита моей кандидатской проходила в МГУ. С этим связана ещё одна забавная история. Дело в том, что помимо руководителя – историка философии В.В. Соколова, я также официально взял себе консультанта – А.М. Карапетьянца, а когда искал оппонентов, посоветовался со своим начальником Делюсиным. И он свёл меня с нынешним академиком, а тогда член-корреспондентом и начальником Историко-дипломатического управления МИД СССР С.Л.Тихвинским³². Это тоже было необычно, что такой высокопоставленный человек с рангом чрезвычайного и полномочного посла выступает в качестве оппонента по кандидатской диссертации. Я помню, что ездил в здание МИД, в высотку на Смоленской. Привозил ему свою диссертацию, поэтому знаком с ним лично с 1978 года. Тихвинский произвёл на меня очень благоприятное впечатление. Хотя общение было не тесное, но, надо сказать откровенно, никаких так называемых «рыб» никто не писал. Все отзывы он делал совершенно самостоятельно, внимательно прочёл работу. Государственный и даже военный человек Тихвинский пунктуально прибыл на защиту в Московский университет в точно назначенное время, в сопровождении уже упомянутых мною дам, которыми он ранее руководил как директор Института китаеведения, но проходили 10, 15, 20 минут, а заседание не начиналось. Потом выяснилось, что не собрали кворум. Это в Московском университете! И Сергей Леонидович был потрясён. На него произвело неизгладимое впечатление, что такое возможно в нашей жизни! То были славные «брежневские времена» всеобщей расслабленности и расхлябанности.

Чем закончилась вся эта история?

Пришлось приехать ещё раз! Защиту назначили повторно, и всё прошло замечательно. Но в первый раз, вот так не случилось!

Вы защитились и поступили работать в Отдел Китая ИВ АН СССР. И перед вами опять открылись какие-то новые горизонты, пути-распутья. Наверно, был момент, когда вы думали, что будете делать дальше? Как изменилась после этого ваша жизнь и самоощущение?

Тогда у меня была установка на пребывание в «башне из слоновой кости». Я видел настоящую научную проблематику. Сложился тесный, значительный количественно круг людей, занимавшихся исключительно научными вопросами, наукой в чистом виде. Общество было закрытое и, честно говоря, я никуда не рвался. Никуда не ездил, ни в каких заграничах не бывал. Даже

³² Тихвинский Сергей Леонидович (1918–2018). Китаевед, д.и.н. (1953), академик АН СССР (1981). Служил на дипломатической работе в Китае, Англии, Японии (1939–1957). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (с 1966). Директор Института китаеведения (1960), замдиректора Института народов Азии (1961–1963).

по стране ни в какие командировки не отправлялся. Я занимался только наукой и научным общением. И нужно признать, что основные научные результаты были получены именно тогда.

Как зародился ваш интерес к нумерологии как направлению?

Выход на исследование структуры текстов и обратил меня к наиболее структурированным текстам, которые оказались носителями нумерологической информации. Это были так называемые каноны и среди них канон «номер один» — «И цзин» («Канон перемен»), или «Чжоу и» («Чжоуские/всеохватные переменны»). Тут опять начался поиск самых сложных проблем. Когда я занимался средневековой философией, задача была найти наиболее сложного для интерпретации философа, а здесь - самую сложную и загадочную китайскую книгу, чтобы детально заняться ею. Так сформировался следующий цикл моих работ — изучение канонов и, прежде всего, «И цзина»³³. Ицзинистика — это второе генеральное направление моих исследований. Правда, всё это наложилось ещё на историографические штудии, связанные с судьбой нашего первого исследователя «И цзина», Юлиана Константиновича Щуцкого³⁴. Он стал жертвой «большого террора», был расстрелян в 1938 году. В конце 1980-х годов я занялся его чудом сохранившейся в Ленинграде рукописью и изданием полного текста главного труда «Китайская классическая «Книга перемен»». Подготовленный мною, подробно прокомментированный и дополненный сопутствующими материалами текст за 10 лет, с 1993 по 2003 г., выдержал четыре издания.

Для вас это была временная тема? Или вы и сейчас занимаетесь этим направлением?

У меня был, действительно, некоторый перерыв в этих исследованиях. Я занимался ими тогда, когда на русском языке была ещё только книга Щуцкого 1960 года, и всё, больше ничего. Потом, в постперестроечное время в СССР и в новой России уже появились четыре новых перевода и множество разных публикаций. Как раз в это время я своё внимание ослабил. Но сейчас продолжаю этим заниматься, это вечная тема. К сожалению, хотя уже вышло довольно много всякой литературы на эту тему, она совершенно не отражает новой ситуации в исследовании «И цзина», потому что найдены древнейшие манускрипты и новые варианты текста: мавандуйский, шуангудуйский,

³³ «И цзин» 易經 («Книга перемен»). Также известна под названием «Чжоу и» 周易. Является наиболее ранним из известных китайских философских текстов. Принята конфуцианской традицией во II в. до н.э. как один из канонов конфуцианского «Пятикнижия».

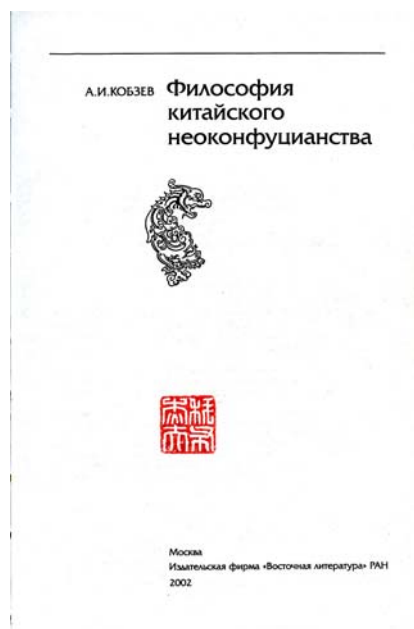
³⁴ Щуцкий Юлиан Константинович (1897–1938). Китаевед. Историк, филолог, литературовед, д.филол.н. (1937), профессор (1935). Научный сотрудник Государственного Эрмитажа (1936–1937), Азиатского музея ЛО ИВ АН СССР (1920–1937). Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

шанхайский и так далее. Более того, совершены прорывные текстологические открытия, дающие новое понимание канона. Кстати, не только китайскими, но и западными, американскими учёными. Однако всё это совершенно не освоено, не понято у нас. И передо мной стоит важнейшая задача издать настоящий, научно выверенный текст этой книги с собственным переводом и комментариями. Увы, это ещё не решённая задача. Я готовлюсь к этому и, вот, читаю в РГГУ спецкурс «Философские проблемы “Канона перемен”».

Это будет индивидуальная или командная работа?

Нет-нет, я думаю сделать всё самостоятельно. Естественно, я отражу все достижения других специалистов.

Кроме «янминизма» и нумерологии, какие ещё направления вы считаете для себя основными и «сквозными»?

Титул монографии 2002 г. с личной печатью

Надо уточнить, что, разобравшись с Ван Ян-мином, я потом стал заниматься и всей его школой, и шире — неоконфуцианством в целом. Результаты всех своих штудий я подытожил, издав в 2002 году книгу «Философия китайского неоконфуцианства». Это общий очерк истории и теории неоконфуцианства с подробным освещением его развития от Ван Ян-мина и более ранних основоположников (Чжу Си и других великих неоконфуцианцев эпохи Сун) до конца империи, т.е. прежде всего неоконфуцианства эпох Мин и Цин. Конечно, надо было бы ещё столь же

детально осветить эпоху Сун, и это у меня было в планах. Но не знаю, дойдут ли руки.

Эта была работа на основе докторской диссертации?

Титул монографии 1994 г. с личной печатью

Нет. Это как раз продолжение кандидатской. А докторскую диссертацию я защитил в 1989 году, через 10 лет после кандидатской. Её результаты связаны с исследованиями нумерологии, структуралистики и общих особенностей китайской философии. Они зафиксированы в книге 1994 года, которая называется «Учение о символах и числах в китайской классической философии». Тут я сделал, как полагаю, самое главное в своей жизни открытие, состоящее в том, что у китайской философии была своя собственная, принципиально отличная от западной методология. С моей точки зрения, методологией западной философии является формальная логика, созданная Платоном, Аристотелем и их предшественником Сократом. А в Китае, хотя нечто аналогичное в виде *протологики* тоже развивалось Сюнь-цзы, поздними моистами и «школой имён» (*мин-цзя* 名家), но возобладала и стала стандартной другая методология, которая основана на «И цзине». Я условно называю её *нумерологией*, а сами китайцы называют её «учением о символах и числах» (*сян-шу-чжи-сюэ* 象数之学). Его аналог, разумеется, тоже есть на Западе, где он называется *пифагорейством* или *кабалой*. Но только соотношения у них обратно пропорциональные: доминантная логика и рецессивное пифагорейство на Западе и, наоборот, доминантная нумерология и рецессивная протологика в Китае. Вокруг этого и построено моё исследование, отражённое в диссертации и появившейся потом книге. Повторяю, что считаю её своим самым главным достижением в жизни и лучшим произведением. Но вышла она в «лихие девяностые», и хотя там приличный тираж в 4000 экземпляров, но полиграфия книги удивительна. Я попал тогда в промежуток, когда ещё не было компьютеров,

но уже было слишком дорого набирать обычной высокой печатью. В итоге оригинал-макет был набран на специальной пишущей машинке и напечатан каким-то копировальным способом на очень плохой желтоватой бумаге, но зато в красивом и твёрдом чёрно-жёлтом переплёте. Кроме того, эта книга открыла фундаментальную академическую серию «Историю восточной философии», для которой я даже изобрёл специальную эмблему — напоминающий буддийскую триратну или знак Мира Н.К. Рериха круг с тремя внутренними кругами, содержащими символы трёх главных восточных традиций: индийской, арабо-мусульманской и китайской.

Эта книга не переиздавалась после 1994 года?

Хороший вопрос. К сожалению, она не переиздавалась. Ещё одна из моих задач — дополнить и издать её нормальным образом. Тем более, у меня есть много того, что можно добавить к этой книге. А докторская диссертация была защищена в Институте философии, с которым я тоже давно и тесно сотрудничаю. Прежде всего, с сектором восточных философий. Этот сектор тоже стал в своё время прорывным явлением. Он возник, по-моему, в 1970-е годы. С 1980-го и вплоть до прошлого года, т.е. треть века, его возглавляла замечательный востоковед, специалист по индийской философии и прекрасный во всех отношениях человек Мариэтта Тиграновна Степанянц. Я даже довольно долго работал в этом институте по совместительству, а после этого стал его почётным сотрудником. Ныне в нем успешно работают два моих бывших аспиранта, кандидаты философских наук, китаисты М.В. Анашина и С.Ю. Рыков. Несмотря на совершенно нестандартные, нетрадиционные для советской философии идеи, защита там прошла «на ура». И я очень благодарен настоящим учёным из Института философии, отнёсшимся ко мне непредвзято, хотя ещё действовал идеологический контроль, пусть и в ослабленной перестройкой форме. Тогда я стал одним из рекорсменов по возрасту среди гуманитарных докторов наук. Мне было 35 лет. И я не был членом партии, что, между прочим, в области философии тогда требовалось. Для поступления на философский факультет нужны были какие-то рекомендации райкомов-обкомов. У меня ничего такого не было. Я шёл другим путём — через Олимпиаду. Никуда не вступал, и это многих удивляло, потому что данная область считалась «идеологическим фронтом».

В этом была своеобразная «специфика» тогдашнего китаеведения, позволявшая ходить «по лезвию» и никуда не сваливаться.

Вы абсолютно правы. Должен высказать важную мысль — я всё-таки хотел быть философом, и для меня Китай был такой «спасительной зоной», которая позволяла формулировать настоящие мысли, а не какие-то

псевдоположения. И это не требовало лишней траты сил, чтобы бороться с «мастодонтами» и «архантропами», доказывая, что «дважды два — четыре». Во-первых, они и сами ничего не знали, а, во-вторых, считали это такой «экзотикой», в которой всё возможно.

Позвольте вернуться к теме качественных различий «западной» и «восточной» философии. Если в обществах Запада и Востока доминируют принципиально различные типы мышления, методологии и философии, то возникает деликатный «киплинговский» вопрос, сумеют ли они вообще когда-нибудь по-настоящему встретиться и договориться? Возможно ли вообще преодолеть существующий между ними абсолютный или относительный разрыв? Имеется ли какая-то альтернатива, перекрывающая упомянутую вами разницу в способах мышления?

С историко-научной точки зрения, я являюсь автором культурологической теории глобальной альтернативы Востока и Запада. С разными углублениями понятия «культура» эта оппозиция доходит до материальных и антропологических аспектов, до соматики и психосоматики человеческих существ, что является темой, так сказать, «скользкой». Если оттолкнуться от этой «скользкой», но всё-таки объективной почвы, то можно сказать, что человек всё же живёт не на облаке, является не ангелом, а живым биологическим существом. Для выживания любого вида важно разнообразие, и нет ничего аномального в том, что имеются ярко выраженные человеческими индивидами культурные, материальные, антропологические и прочие полярности. Это очень хорошо, потому что обеспечивает видовую устойчивость. Чем больше разнообразия, чем ярче полярности, чем резче крайности, тем лучше для вида. В изменившейся ситуации сначала хороши одни, потом - другие. Учёные даже говорят сейчас о том, что «примитивные» народы могут быть очень полезны для современного человека, для современного урбанизированного человечества, потому что более эффективны в общении с природой, в её сохранении. Кроме того, они обладают некоторыми знаниями, которыми не обладает человек, черпающий их из Интернета.

По части природопользования они не только примитивны, но и во многом превосходят конфликтующего с природой современного человека!.. Сам термин «примитивный» тут уже явно некорректен.

Ну, это уже немножко другая история, связанная с политкорректностью, с условным языком. Тем не менее, не создавая нового лексикона, можно сказать, что есть объективные критерии. По стандартным параметрам

развития цивилизации одни продвинулись вперёд дальше других. Уровень отчуждения культурных достижений больше — его можно измерять объективно, по созданным человеком материальным объектам. Мы можем спорить, кто умнее и проницательнее, если вспомнить Дерсу Узала и В.К. Арсеньева³⁵. Но поскольку Дерсу Узала всё-таки просил у Арсеньева винтовку и патроны, следует заключить, что по какому-то параметру Арсеньев был более подвинутым. Если же сравнивать не разноуровневые цивилизации, а одноуровневые, то моя теория состоит в том, что имеются крайние полярности, образованные средиземноморской по своему происхождению западной цивилизацией и восточной — китайской (шире — синистической). Тут ещё очень важно понять, что возможны разные точки зрения. И полярности в разные периоды истории были разными. Противоположность Восток — Запад разделяла в античности персов и греков, в средневековье — восточное и западное христианство, в новейшее время — социалистическую и капиталистическую системы и т.д. Но если снять все менее значимые оппозиции, то, в итоге, на мой взгляд, откроется глобальная полярность, которая выражается в том, что представители этих крайних и равномогущих цивилизаций (средиземноморской и китайской) максимально отличаются друг от друга. Кардинально важно, что они пользуются принципиально разными языками (флективными и изолирующими) и системами письма (алфавитной и иероглифической). Все культурные надстройки над этими базовыми основаниями тоже различны. Это касается и способа мышления, причём во вполне объективно фиксируемых формах. Речь идёт о функциональной асимметрии мозга, о разных типах нейронных связей, о разном взаимодействии левого и правого полушарий, о разной роли и степени леворукости и праворукости, и т.д., что хорошо описано современной наукой. В конечном счёте, на вершине духовной культуры это всё выражается в разных формах обобщения культурных достижений, то есть в разных философских системах. И тут уж расхождение — максимальное. Если отнестись ко всему этому с точки зрения популярных лозунгов о мире и дружбе, мирном сосуществовании или диалоге культур (как сейчас хочется делать, потому что все хотят мира), то договориться, конечно, можно. Договориться можно с кем угодно. Посредством компьютера ученые успешно коммуницируют с высшими приматами на настоящей новоречи. Человек может договориться и с собакой. Но если речь идёт о каких-то тонких материях или сложных понятиях, то тут всё становится уже сложнее. Потому что понятийные системы — разные. Для того, чтобы всё-таки найти

³⁵ *Арсеньев Владимир Клавдиевич* (1872–1930). Русский путешественник, краевед, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока. Автор книг «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «Китайцы в Уссурийском крае» и др.

между ними какой-то баланс, точки соприкосновения, надо их изучать. И тогда, быть может, в конце тоннеля забрезжит какой-то свет взаимопонимания. Это самый главный вопрос. Но он очень сложен, потому что при контактах цивилизаций, конечно, люди стремятся в первую очередь отождествить, увидеть общее и подобное, такое же, что есть у них самих. Это известный психологический эффект узнавания, когда хочется идентифицировать других людей с собой. А потом начинают видеть иное, чужое, и понимая, возможно, принимать его. Сначала нужно просто увидеть невиданное, а уже на следующем этапе принять. И это крайне сложно. Мы это видим по нашей жизни.

Лично мне кажется, что, наоборот, при первых контактах бросаются в глаза прежде всего различия, и только потом — подобное, которое труднее увидеть, потому что оно привычнее и меньше поражает воображение. Но вы правы в том, что изучение сходства и различий — важнейшая задача научного изучения. В связи с этим вспоминается наш старший коллега и ваш старший однокашник по философскому факультету МГУ, известный философ и индолог А.М.Пятигорский³⁶. Он говорил, что искусственное противопоставление западной и восточной философии было порождено непросвещённостью эпохи Просвещения. Тогда Запад соприкоснулся с Востоком и узнал, что есть восточная философия, но почти совсем не знал, что это такое. На самом же деле, как подчёркивал Пятигорский, разница между индийской и китайской философией является во многих отношениях большей, чем между индийской и западной. С другой стороны, внутри западной философии, если брать не классическую линейку, а весь спектр западных философских школ, разница между отдельными школами может быть тоже большей, чем разница между западной и восточной философией. Как бы вы прокомментировали это наблюдение?

Безусловно, Пятигорский прав в том, что разница между индийской и китайской философией — больше, чем между индийской и греческой или римской. Но всё дело в том, что относившуюся им к Востоку индийскую философию и культуру я, напротив, отношу к Западу. С моей точки зрения, это всё чистый Запад. Поэтому тезис, с которым он спорил, автоматически снимается. Тут спорить не о чём по понятным причинам и основаниям,

³⁶ Пятигорский Александр Моисеевич (1929–2009). Философ, востоковед, филолог, писатель, педагог, к.филол.н. (1962). Окончил философский факультет МГУ (1952). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1956–1968). Специалист по индийской философии. Один из основателей Тартуско-Московской семиотической школы. Эмигрировал из СССР в ФРГ (1973). Профессор Лондонского университета. Соавтор первого тамильско-русского словаря. Переводчик древних индусских и буддийских текстов. Автор нескольких романов.

которые я ранее озвучил, а именно: это общая индоевропейская семья языков, это общее индоарийское происхождение народов, похожие этапы развития и общая философская модель. Наконец, взаимодействие, обмен информацией имели место на протяжении всей истории существования этих философских систем. А что касается китайской философии, то Пятигорский, к сожалению, её не рассматривал.

Спасибо. Как известно, после защиты и издания книги по теме докторской диссертации вы снова вернулись к неоконфуцианству. Это было связано с вновь нарождавшейся модой на «неоконфуцианство»? Или же вы внутренне стремились к расширению и углублению этой темы?

Это ещё одна особенность моего характера. Я не терплю недоделанности. А что касается Ван Ян-мина, то у меня оказалась одна недоделка. Ещё в 1983 году я перевёл и опубликовал его важнейший текст «Вопросы к “Великому учению”». Этот перевод переиздавался несколько раз. Упомянутая М.Т. Степанянц включила его в свой популярный учебник «Восточные философии», который тоже выходил в свет уже три раза (1997, 2001, 2011) и переведен на английский (2002) и вьетнамский языки (2003). Но у Ван Ян-мина есть и другой — самый главный текст «Записи преподаваемого и воспринятого» («Чуань си лу» 传习录). Он гораздо большего объёма. И вот я озабочен тем, чтобы его перевести и опубликовать. Думаю, в текущем году закончить работу над этим проектом. Возвращение к нему связано с тем, что нужно «расплатиться по старым долгам». Как в синологическом «стандарте»: исследование должно завершаться переводом базового текста. Оно с этого начинается и этим завершается. Сначала переводишь избранный текст предварительно, что даёт возможность сформулировать какие-то выводы. Затем пишешь исследование и завершаешь публикацией текста с исследовательскими комментариями. Диалектическая триада тут эффективно срабатывает. Конечно, вы тоже правы, что в данном случае имело значение изменение отношения к неоконфуцианству и конфуцианству вообще. Ведь мы же знаем, что теперь Конфуций — главный бренд Китая. А неоконфуцианство — самая совершенная форма конфуцианства. Это связано ещё и с тем, что раскрылись архивы и запасники. Китайская наука произвела и производит сейчас в фантастическом количестве публикации с подробно комментированными старыми текстами, переведенными в современный культурный формат, снабженными знаками препинания. Есть их электронные версии. Появились специализированные словари, поисковые механизмы, бумажные и электронные индексы. Всё это создаёт огромную базу для дальнейших исследований. Возникает соблазн все бросить и

окунуться в это с головой. Сложилась совершенно другая ситуация, нежели та, в которой мне пришлось формироваться как ученому. Я говорил уже, что работал с Полным собранием сочинений Ван Ян-мина издания 1936 года, где были какие-то, зачастую неверные знаки препинания, но не было никаких комментариев.

Мне кажется, очень интересной должна быть новая возможность для обмена мнениями с коллегами за рубежом. Можно работать не в гордом одиночестве, а координировать свои и чужие усилия и достижения.

Это, безусловно, важно. Но, к сожалению, моя научная молодость действительно прошла в какой-то изоляции, и приоритеты сложились «книжные». Для меня важнее всего, что тексты, с которыми приходится работать, публикуются и комментируются, книг много и они доступны. Можно просто «черпать» из этих благодатных источников, лично не обращаясь к авторам комментариев и исследований.

Позвольте вернуться к понятийному аппарату Ван Ян-мина. Как вы считаете, что составляет главное, ключевое понятие учения Ван Ян-мина?

Это несложный вопрос. Принято считать, что это понятие *сердца*. Отсюда и название учения — *синь сюэ* 心学, учение о сердце, которое противопоставляется *ли сюэ* 理学, чжусианскому учению о принципе. Своим вопросом вы затронули более важную общую тему о категориях китайской философии и культуры в целом. Это ещё одно важное направление, которое я тоже первым инициировал в нашей стране. Как выяснилось, научный аппарат китайской философии очень специфичен и принципиально отличен от западного, потому что опирается на слова-иероглифы, а не на понятия. Западная традиция исходит из приоритета понятий в силу того, что сама развивалась на разных языках. Нельзя было опираться на слова, иначе это были бы только слова греческого языка или латыни, английского или французского языка. Западный мир многоязычен, и доминирующие языки, обеспечивавшие международное общение, менялись. Поэтому философская традиция опиралась на понятия, а в Китае, напротив, - на слова. Это совершенно другое дело. Тем более, что речь идет не о специализированных терминах, а о словах естественного языка, которые многосмысленны, полисемантичны. Главное, что они соединяют в себе *описание* с *предписанием*, научно выражаясь, дескрипцию с прескрипцией. В естественном употреблении они автоматически дают установку на

соответствующее действие. Таковы органические особенности китайского языка: в грамматике - тотальная глагольность, в семантике и прагматике - ориентированность на действие и практический результат. Надо было теоретически отразить это явление и выявить категориальную базу китайской философии, прежде чем переводить и интерпретировать тексты. Я этим занялся тоже где-то в начале 1980-х годов. Интересно, что это совершенно независимым образом совпало с аналогичной тенденцией в самом Китае, где по-новому занялись своей историей философии. Были созданы специализированные журналы. Не официальный и общий журнал «Чжэсюэ яньцзю» 哲学研究 («Философские исследования»), а именно по истории китайской философии – прежде всего пекинский ежемесячник «Чжунго чжэсюэ ши» 中国哲学史 («История китайской философии») и тяньцзиньский ежеквартальник «Чжунго чжэсюэ ши яньцзю» 中国哲学史研究 («Исследования по истории китайской философии»).

Кто это всё курировал, Фэн Ю-лань?

Конечно, Фэн Ю-лань был в ту пору одной из главных фигур на этом поприще. Он осенял своим авторитетом, прежде всего международным, поскольку его фундаментальная «История китайской философии» в 1937-1953 годах была издана в английском переводе выдающегося американского синоведа Д. Бодде (Derk Bodde, 1909-2003) и получила всемирную известность. В открывавшемся для международных контактов Китае присутствие такой персоны было очень значимо, но, увы, он в 1990 г. скончался. Хотя, разумеется, как патриарх успел принять участие в реанимации китайской истории отечественной философии, в частности был членом редколлегии упомянутого ежеквартальника «Исследования по истории китайской философии» вместе с другими известными специалистами – представителями уже следующего поколения: Чжан Дай-нянем (1909-2004) и Жэнь Цзи-юем (1916-1909). Все выдающиеся философы и историки философии печатались в этих журналах. Официальная установка на изучение отечественной истории философии совпала с научным и общественным интересом. Как раз с начала 1980-х годов в КНР развернулась широкая дискуссия о системе категорий и основных понятий китайской философии. В специальном разделе каждого номера «Исследований по истории китайской философии» печатались статьи об одной, двух или трёх категориях. Кстати, патриархом этих исследований являлся Чжан Дай-нянь. Практически одновременно с «Историей китайской философии» Фэн Ю-ланя, полностью опубликованной в 1934 г., он написал в середине 30-х годов пионерский очерк системы категорий китайской философии, который

впервые увидел свет в 1958 г. Мы здесь тоже в 1983 г. на страницах журнала «Народы Азии и Африки» (№ 3) провели «круглый стол» «К проблеме категорий традиционной китайской культуры» благодаря замечательному редактору-энтузиасту А.А. Старикову. Я выработал и предложил свой список категорий, опиравшийся и на Чжан Дай-няня, и на целый ряд других авторитетных источников, формально первым среди которых был список, опубликованный в 1952 г. на страницах американского журнала «Philosophy East and West» еще одним выдающимся историком китайской философии Чэнь Юн-цзе (陳榮捷, Chan Wing-tsit; 1901–1994). Он провёл большую часть жизни в Америке, где издал на английском языке свои важнейшие труды, в частности, лучшую до сих пор антологию по истории китайской философии «A Source Book in Chinese Philosophy». Она вышла впервые в 1967 году и несколько раз переиздавалась. О категориях китайской философии и культуры я начал писать с конца 70-х годов, в 1980 г. организовал в Отделе Китая несколько посвященных им заседаний, на которых выступили многие крупнейшие специалисты: Л.С. Васильев, Г.Э. Горохова, Т.П. Григорьева, Е.В. Завадская, С. Кучера, И.С. Лисевич, В.В. Малявин, Е.Б. Поршнева, С.А. Серова и другие, а в 1981-1982 годах опубликовал обобщающие исследования, в том числе в «Народах Азии и Африки» (1982, № 1). В 1983 г. к обсуждению полученных результатов я пригласил ведущих китайистов. Откликнулись москвичи Г.Э. Горохова, А.М. Карапетьянц и В.В. Малявин³⁷, ленинградцы Ю.Л. Кроль³⁸, А.С. Мартынов³⁹ и В.С. Спирин. Карапетьянц предложил альтернативный и дополняющий список. Потом всё это послужило базой для создания в 1994 г., уже под эгидой Титаренко в ИДВ, новаторского энциклопедического словаря «Китайская философия», который в свою очередь стал предтечей шеститомной энциклопедии «Духовной культуры Китая».

Думаю, мы ещё поговорим про вашу энциклопедическую деятельность. Пока же позвольте продолжить тему категорий и спросить, как соотносятся категории синь 心 и лянчжи 良知.

³⁷ Малявин Владимир Вячеславович (1950). Востоковед (китаевед), историк, философ, д.и.н. (1988), профессор. Окончил ИСАА МГУ (1972). Преподавал в ИСАА МГУ (1975–1988). Работал в институте этнографии РАН (1985–1991). Профессор Тамканского университета (Тайвань, с 1997). Специалист по древнекитайской философии, культуре и этнической истории Китая. Автор более 30 книг и сотен статей.

³⁸ Кроль Юрий Львович (1931, Ленинград). Китаевед-историк, д.и.н. (1992). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР / ИВР РАН (с 1957). Автор капитального исследования «Ши цзи» («Исторические записки» / «Записки историка»), перевода «Янь те лунь» («Спор/суждения о соли и железе») и около 100 трудов по истории традиционной китайской идеологии.

³⁹ Мартынов Александр Степанович (1933–2013). Китаевед-историк, к.и.н. (1975). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР / ИВР РАН (с 1960). Преподаватель Востфака СПбГУ (с 1992). Труды по истории традиционной китайской идеологии.

Если ответить коротко, *лянчжи* — главное содержание *сердца*. Буквально это *доброе знание*, а в моём переводе - *благосмыслие*. Это ядро, основное и главное, прежде всего моральное содержание психосоматического и духовно-интеллектуального центра каждого человека - его *сердца*. Оно должно опираться и быть нацеленным на выявление того сокровища, которое хранится в нём изначально. Это его прирождённое или, как говорят китайцы, данное Небом свойство.

Перевод благосмыслие как бы заведомо отсылает нас к какому-то мысленному, умственному, рациональному знанию. Однако знание может быть не только рациональным, но и, например, интуитивным, эмоциональным. То есть не опосредованным через мысль и разум. Не кажется ли вам, что перевод «благосмыслие» несколько сужает смысл оригинального термина, выраженного в китайских иероглифах 良知? Не стоит ли переводить этот термин более объёмно, например, как благопонимание? Ведь понимание может приходить и осмысленно, и интуитивно, и эмоционально...

С моей точки зрения, *благосмыслие* и *благопонимание* — это абсолютные синонимы. Так что этим конкретным предложением вы ничего не изменяете. Но тут есть две проблемы. Одно дело — словесный перевод, а другое — выявление понятия, вложенного в переводимый термин. Изначально у Мэн-цзы различались *лянчжи* 良知 и *ляннэн* 良能 (благомочие). Помимо этих близких, но разных терминов, есть еще *лянсинь* 良心 (благосердие, совесть). Я подчёркиваю, так как иногда печатают и не различают, что *лянчжи* не *благосмыслие*, которое по-русски означает *сервильность*, а именно *благосмыслие*, то есть как раз *благопонимание*. Здесь даже некоторая игра слов: *смыслить* в данном случае — это *понимать*, что есть добро, а что есть зло. Это этическое знание, которое само тоже является благом. Это внутреннее благо, которое находится в сердце, а вовне его позволяет отделять благое от неблагого. Что касается рациональности и нерациональности, то в *смысле* нет этого специфицирующего признака — *смыслить* можно и рационально, и нерационально. В понимании самого Ван Ян-мина присутствует и то и другое. То, что вы разделяете как рациональное и нерациональное, пусть не совсем так, но у Мэн-цзы тоже различается. Потому что *благомочие* (*ляннэн*) предполагает переход к чему-то не рациональному, а волевому, эмоциональному и даже действительному. Рациональность же прежде всего связана с *лянчжи*. А Ван Ян-мин отождествил эти термины. У него *лянчжи* и *ляннэн* — одно и то же. Он охватил одним термином разные сферы: рациональную с нерациональной и

даже иррациональной, сознательную с подсознательной и интуитивной, интеллектуальную с волевой и эмоциональной. Распространил и на действенность, что тоже очень важно, поскольку один из его главных постулатов – «совпадающее единство знания и действия» (*чжи син хэ и* 知行合一). Подчеркну, что не просто единство, а *хэ и* – совпадающее единство. Мне кажется, что в предложенном мною русском переводе нет выделения рациональности.

Подозреваю, что если наше интервью будут переводить на другие языки, то переводчик будет очень сильно страдать от всех эти тонкостей, или вообще сойдёт с ума. Да простят нас за это уважаемые переводчики!.. Вы сказали, что много лет провели в «башне из слоновой кости», никуда не выезжали и не стремились выезжать. Но в какой-то момент вы всё же «пошли в мир». Сегодня вы востребованы и работаете сразу во многих местах. С чем это связано? Стало тесно в рамках отдела Китая, или жизнь такая трудная настала, поэтому приходится служить во многих организациях. Вы успешно работаете сегодня не только в ИВ РАН, но и по совместительству в МФТИ, РГГУ⁴⁰, ИДВ РАН, и почётным сотрудником Института философии числитесь. С чем связаны такие резкие изменения? С потребностью в большей публичности, или экономические соображения тут возобладали?

Вы правы. Как говорится, в какой-то момент «Остапа понесло». Я работал во всех или почти во всех основных синологических учреждениях. Долго работал по совместительству и в ИДВ. Свою трудовую книжку из ИВ РАН я никуда не уносил.

То есть, вы сохраняете верность ИВ РАН?

Да, да. Хотя, естественно, предложений имел очень много... Работал в Институте философии, и даже в замечательном Институте истории естествознания и техники, который сейчас возглавил новый директор, Герой России, космонавт и член-корр. РАН Ю.М.Батулин, с которым я знаком как с выпускником и преподавателем МФТИ, где тоже подвигаюсь уже более 20 лет. Я работал даже в Институте востоковедения Украинской академии наук (НАНУ), был и такой эпизод в моей жизни. Преподавал в МГУ и Московской консерватории. Всё это связано с разными обстоятельствами, прежде всего внешними, производными от общих изменений в нашей стране. На исходе советской власти, к концу 1980-х годов, мне казалось, что я достиг своего потолка, предела имевшихся здесь возможностей. Я был приглашён в Физтех

⁴⁰ МФТИ – Московский физико-технический институт (Государственный университет), РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет.

(МФТИ), стал молодым профессором, потому что уже защитил докторскую диссертацию. Ректором там был интеллектуал и эрудит, член-корр. АН СССР (1984) и одно время председатель ВАК РФ⁴¹ Николай Васильевич Карлов, который родился со мною в один день 15 октября, но на два 12-летних цикла раньше. Как депутат съезда народных депутатов СССР он лично знал Ельцина и с его помощью в то время пытался перестроить всю систему гуманитарного образования в Физтехе, для чего и пригласил туда «несоюзную», но творческую молодёжь. Собрались уникальные специалисты, атмосфера сложилась превосходная, в целом было очень интересно и с коллегами, и с замечательными студентами МФТИ, которые составляют настоящий, а не номенклатурный «золотой фонд» России. Подобные гуманитарные проекты там пытались реализовать Е.Т. Гайдар и Я.И. Кузьминов, нынешний ректор Высшей школы экономики, но у них не получилось. Следствием моих особых и долгих отношений с Физтехом явилось создание в 1998 г. целого нового факультета гуманитарных наук с четырьмя новыми кафедрами. Я стал его деканом и возглавил кафедру культурологии.

Должен признать, что это был очень смелый эксперимент.

Да. Это было связано с тем, что нужно было многое перестраивать. Ведь в Физтехе как университете должно было быть и гуманитарное образование. Раньше всё сводилось к истории КПСС, истмату с диаматом и научному коммунизму. Теперь же всё это нужно было в приличных формах отставить в сторону или даже ликвидировать, заменив нормальными гуманитарными дисциплинами. Я этим с удовольствием там занимался и решил данную задачу.

Очень важным переломным событием в моей жизни, удивительным и мистическим образом совпавшим с изменением режима, явилось то, что я попал «в последний поезд», увозивший советских специалистов на стажировку в Китай. Осенью 1990 года я в первый раз выехал в Китай и вообще за границу, но сразу надолго, почти на целый год. Коллеги начали ездить туда гораздо раньше, примерно с 1983–1984 года, по линии Министерства культуры и образования, а не Академии наук, которая получала там какие-то квоты. До меня эта квота дошла только в самом конце, когда уже приходилось даже платить свои собственные деньги. В СССР уже началась инфляция, и это не было слишком обременительно, хотя сумма выглядела вполне прилично - 3000 рублей. Но я работал на нескольких работах, был уже доктором наук и зарплату довольно приличную получал,

⁴¹ ВАК — Высшая аттестационная комиссия. Государственное учреждение, официально утверждающее защиту учёных степеней в СССР и в РФ (после 1991 г.).

как мне казалось. И вот я выехал первый раз в Китай. Конечно, это было очень важным обстоятельством. А до этого, хотя Лев Петрович всячески подталкивал меня к этому, мешали поехать партийные фильтры и препоны. С этим связана ещё одна совершенно удивительная история. Понятно, что в советские времена первыми ездили всякие начальники, связанные с партийными органами. Поскольку я к ним не принадлежал, дело всё оттягивалось. Но однажды меня всё-таки рекомендовали, и я попал на следующий уровень идеологического контроля - в райком, хотя, повторяю, никакого отношения к КПСС не имел. Но она была правящей партией, и таковы были правила игры. Ещё перед этим меня вызвали для выдачи рекомендации в партком Института, куда я пошёл с большой чёрной сумкой. Возможно, так случилось потому, что тогда по месту работы уже начали выдавать продуктовые «заказы». Господствовал товарный дефицит, и сотрудники подобных институтов ходили на работу в основном для получения разной снеди, для чего носили с собой объемистые сумки. Или же, скорее всего, сумка потребовалась мне для книг, которые я вечно таскаю в неимоверном количестве. Председатель парткома, специалист по Корейской войне Ю.В. Ванин, грозно посмотрев на меня, вдруг сказал: «Как Вы посмели явиться на заседание парткома с хозяйственной сумкой?!» Это первое впечатление, связанное с рекомендацией. А второе, более сильное, было получено в райкоме, где сидели и «пропускали» меня какие-то старцы-пенсионеры. Один спросил: «Вы кто по профессии?» Я ответил: «Философ». Он неожиданно продолжил: «Нет, вы обманываете партию!» Я возразил: «Как обманываю, если и в дипломе написано, что я философ». Он настаивал: «Нет, вы обманываете, потому что вы не член партии, а философия — это партийная дисциплина! Значит, вы не можете быть философом». Вот такое рассуждение я назвал партийным силлогизмом.

Может, это был такой особый «партийный» юмор?

Нет-нет. Это было сказано абсолютно серьёзно. То были «мастодонты», которые действительно так считали. Без всяких шуток они меня просто завернули и не пустили в Китай. Последствия были вполне серьёзными. Так я и не попал туда с первого раза в 1987 или 1988 году, а, может, 1989.

Сегодня эта история кажется на самом деле изумительной.

Да, это удивительная история. В Китае меня тоже нечто в этом роде удивило, я пробыл там с 1990 по 1991 год, поехав на 10 месяцев. Стажировки были 6-месячные и 10-месячные. Причём привилегированными — для докторов наук — были, как ни странно, более короткие. А кандидатам полагались длительные — в 10 месяцев. Я, несмотря на свой

более высокий статус доктора, предпочёл выехать на максимальный срок и чувствовал себя прекрасно в Пекинском университете, где проходил стажировку. Проникся интересом к реальному Китаю, что не всегда бывает с книжниками и древниками. К сожалению, практически освоился там только к концу пребывания. И у меня сложилось впечатление, что обычному человеку нужно, как минимум, два года, а ещё лучше — три, чтобы освоиться в столь специфичной стране. Оставшись, как минимум, ещё на год, я бы почувствовал себя по-настоящему компетентным в китайской жизни, а тут пребывание и до года не дотягивало. Когда я это понял, то стал выяснять, как можно остаться подольше. И обнаружил интересный факт: китайская сторона предоставляла годовую визу и право бесплатного пребывания по месту стажировки также в течение года, а советская сторона выплачивала стипендию только 10 месяцев. Причём примерно с середины срока из-за того, что на родине назревала катастрофа, началась нервотрепка с получением денег, которые выдавались через посольство. Оно же использовало «советские» методы, заставляя нас участвовать во всяких реликтовых мероприятиях, приходиться на ленинский субботник и грозя невыплатой стипендий в случае неявки. В правовом смысле такие угрозы были абсурдны, поскольку за свое денежное содержание я сам заплатил еще в Москве. Обнаружив возможность продления своего пребывания в Китае ещё на 2 месяца, я обратился в посольство с заявлением, что мне не требуются никакие дополнительные выплаты, что я готов на самообеспечении пробыть в Китае еще 2 месяца в соответствии с условиями приема и здравым смыслом, так как именно это мне надо для повышения квалификации. В ответ я получил в посольстве страшный афронт, который меня просто поразил. Я вопрошал: «Вы же послали меня повышать квалификацию! Китайская сторона в соответствии с договором предоставила условия для пребывания в течение года. Почему же вы меня отправляете раньше срока?» Вразумительного ответа не было, зато посольство всеми силами стремилось выпроводить всех стажеров пораньше. Надо признать, что никто кроме меня и не возражал. Причина была проста: товарный и валютный дисбаланс между двумя странами достиг такого уровня, что все к концу стажировки полностью растрачивали драгоценную валюту на неумеренные приобретения. Позиция посольства также мотивировалась экономически, но до идиотизма мелочно. Оно просто экономило валюту, отправляя людей на родину даже раньше срока на неделю или несколько дней. Платили только до пересечения границы, и оставшаяся валютная разница становилась чьей-то прибылью. А ценность валюты росла как на дрожжах. Нам выдавали стипендию в долларах США, которые мы должны были официально менять не на простые

и неконвертируемые юани, а на полуконвертируемые *вайхуры*, которые на черном рынке стоили несколько дороже. Отправляясь в Китай в 1990 г., я оплачивал стажировку из расчета 60 копеек за доллар, хотя на черном рынке он уже стоил 10-20 рублей, а когда вернулся в 1991 г., его стоимость достигла 30 рублей и стремительно увеличивалась. В такой ситуации мне просто пришлось преодолевать большие трудности. В посольстве решили меня испугать: «Всё, мы тогда за вас не отвечаем! Покупайте себе обратный билет сами!» - на что я ответил: «Никакой в этом проблемы нет. С удовольствием куплю себе билет». Охваченный наивным восторгом китаиста, впервые добравшегося до Китая, я еще не понимал всей сложности билетной проблемы, но мне удалось остаться. Более того, я ещё и семью пригласил и был очень доволен. Но вернулся я в институт 19 августа 1991 года. Что называется, «возвратился и попал, как Чацкий, с корабля на бал». Выйдя из стен института, я наблюдал вызванную путчем демонстрацию москвичей. Я уже говорил, что жил около гостиницы «Украины», буквально в 500 метрах от Белого дома. Поэтому своими глазами наблюдал события и 1991, и 1993 года. В общем, Китай существенно изменил и мою личную жизнь, и научные интересы.

Как же он их изменил?

На Великой стене в 2006 году

Во-первых, я начал говорить по-китайски. И активно общаться с китайцами. Был снят языковой барьер. Потому что до этого никакой разговорной практики не было вообще, и разговорный язык был не нужен. Я даже нанял в Китае студента, который приходил ко мне, и мы регулярно с ним разговаривали. До поездки в Китай я преимущественно занимался китайской философией. А тут понял и осознал всё богатство китайской культуры, после чего произошли два изменения: теоретическое и практическое. Теоретическое — обращение к исследованию китайской культуры в целом, благодаря чему, в частности, я сейчас возглавляю кафедру культурологии в Физтехе, где читаю культурологический курс, связанный с Китаем. Одна из моих важнейших исследовательских тем — выявление специфики китайской культуры как главной глобальной альтернативы западной культуре. У меня есть своя теория, и в соответствующих справочниках я представлен как автор такой теории глобальной бинарности мировой культуры. Практически изменение выразилось в том, что я начал активно общаться с китайцами, принял для себя план максимального знакомства с китайской культурой в реальном воплощении. Потом у меня был ещё целый десятилетний пробел, в силу опять же не моих желаний, а резко изменившихся в «лихие девяностые» условий жизни. Но с 2002 года я каждый год езжу в Китай, иногда даже дважды. Каждый раз примерно на месяц. И стремлюсь объездить весь Китай, как минимум, на уровне всех столиц, исторических городов и центров провинций.

В тот первый годовой визит у вас был перед отъездом какой-то официальный инструктаж о правилах проживания и поведения в Китае?

Нет. Это был уже 1990 год, государственная система уже разбалансировалась. Всё быстро менялось, идеологические «шоры» спали. Началась всеобщая коммерциализация, с людей стали повсюду брать деньги. Идеологическую накачку сменил лозунг «Гони монету!».

Вы стажировались при Пекинском университете. На каком факультете?

В связи с тем, что у меня была 10-месячная стажировка, я оказался на филологическом факультете. Предполагалось, что «6-месячники» должны заниматься наукой и консультироваться, а «10-месячники» - изучать язык. Что мне и нужно было. Потому что по своей специальности я в особой помощи не нуждался, будучи уже доктором наук. Единственным был, кстати, доктором наук в том заезде, что, в частности, обуславливало очень приличное денежное содержание - более 500 долларов США. Тогда в Китае это были большие деньги, дававшие возможность обеспечить себя

литературой на всю оставшуюся жизнь, что я во многом и осуществил. В Пекинском университете я познакомился с приглашенным профессором, известным американским синологом Роджером Эймсом (R.T. Ames) из Гавайского университета, который, удивляясь, говорил, что получает меньше. Тут мы не ударили в грязь лицом. В этом смысле я чувствовал себя комфортно. Мне нужно было только совершенствоваться в разговорном языке.

Удалось ли в тот год установить какие-то знакомства, рабочие связи с китайскими и другими зарубежными коллегами?

Я жил в общежитии для иностранцев под названием *Шао юань* 勺院, где царил непривычная для советских людей интернациональная атмосфера. Я общался с американцами, с заезжим профессором Эймсом, чью статью «Chinese Rationality: an Oxymoron?» я потом опубликовал в сборнике «Рационалистическая традиция и современность: Китай» (М., 1993), с работавшим в Пекинском университете профессором Стивеном Вестом, который потом стал членом редколлегии альманаха «Петербургское востоковедение»⁴². Познакомился с канадским доктором, занимавшимся китайской медициной, долго жившим в Китае и удивившим меня отсутствием какого-либо собственного жилья на родине, а соответственно и постоянного почтового адреса. Он лечил иголками моего сына. Там встречались подобные колоритные космополиты. Была тесная группа питерцев, с которыми я особенно сдружился: историк религии и философии, даолог Торчинов Евгений Алексеевич⁴³, филолог и этнограф Алимов Игорь Александрович и буддолог Ермаков Михаил Евгеньевич⁴⁴. Первого и последнего из них, увы, уже нет в живых.

⁴² «Петербургское востоковедение» — издававшийся в 1990-х годах альманах и одноименное первое частное научное издательство по данному профилю, создано в 1992 г. Директор издательства — китаист, д.и.н. И.А.Алимов. В течение двух десятков лет издательский центр «Петербургское востоковедение» был вторым по значимости академическим востоковедным издательством России.

⁴³ Торчинов Евгений Алексеевич (1956–2003). Китаевед, к.и.н. (1985), д.филос.н. (1993). Окончил Востфак ЛГУ (1976). Научный сотрудник Государственного музея истории религии и атеизма (1981–1984), ЛО ИВ АН СССР (1984–1994). Преподаватель философского факультета СПбГУ (1994–2003). Исследователь даосизма и буддизма.

⁴⁴ Ермаков Михаил Евгеньевич (1947–2005). Китаевед-филолог, буддолог, д.филос.н. (1998). Окончил восточный факультет ЛГУ (1974). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР / СПбФ ИВ РАН, переводчик классического памятника китайского буддизма «Га сэн чжуань» («Жизнеописания высоких монахов»). Т. 1, 2. СПб., 1991, 2005).

А.И. Кобзев, Е.А. Торчинов, К.С. Яхонтов и М.Е. Ермаков (слева направо) в общежитии Пекинского университета в 1990 г.

Там же стажировались Д.А. Смирнов⁴⁵ из ИДВ и А.А.Селезнёв, которого я позднее, в 1994 г. привлёк к совместному переводу статьи о самом интересном и загадочном китайском романе «Цзинь пин мэй» («Цзинь, Пин, Мэй» или «Цветы сливы в золотой вазе»). В какой-то момент на полулегальном положении там же оказался человек-оркестр Виноградский Бронислав Брониславович⁴⁶, который, попав в авантюрную историю, лишился жилья и которого я с удовольствием приютил в нашем общежитии. Тогда я уже начал заниматься ещё одной «пионерской» темой — китайской эротологией и эротической литературой. В то время не переиздавались соответствующие тексты, старые же были практически недоступны. Я сумел проникнуть в библиотечный спецхран Пекинского университета и нашёл там эротические романы, в частности «Продолжение *Цзинь пин мэй*». Но доступ к ним был ограничен. «Цзинь пин мэй» и его продолжения уже публиковались в КНР, однако с большими купюрами. Незадолго перед этим, в 1989 г. был издан один вариант полного текста великого романа. Но доступ к его приобретению имели «под роспись» только филологи не ниже докторов наук, да ещё за 150 долларов. Тогда это была страшная сумма для китайцев! Для нас тоже немалая, и хотя я готов был с нею расстаться во имя науки, достать книгу так и не удалось. Кстати, потом в КНР стали из-под полы

⁴⁵ Смирнов Дмитрий Анатольевич (1952). Китаевед-историк, к.и.н. (1985). Окончил ИСАА МГУ (1975). Научный сотрудник ИДВ РАН (с 1975). Основная сфера исследований: идейно-политические основы модернизации Китая и внутренняя политика КНР.

⁴⁶ Виноградский Бронислав Брониславович (1957). Китаевед, переводчик китайских канонических текстов (среди них «Чжуан-цзы», «Даодэцзин», «Ицзин»), писатель, общественный деятель.

продаваться гонконгские и тайваньские издания, а в самое последнее время появились собственные — красивые факсимиле в традиционных переплётках, весьма малотиражные и столь же дорогие — уже в тысячи долларов. Тогда же мне нужно было вручную переписывать купированные фрагменты, чтобы иметь полный оригинал для перевода. Но времени не хватало, а вырезалось немало. К примеру, общий объем купюр из этого романа сопоставим с «Лунь юем». Портативных копировальных аппаратов тогда практически не было, а в книгохранилище, куда я попал, отсутствовал и обычный ксерокс. Поэтому я попросил одного из библиотекарей помочь мне в копировании, и он с поразительной любезностью всё что нужно переписал и безвозмездно вручил мне. Но поскольку он тоже спешил, то переписал скорописью, которую я не мог разобрать. Как я уже сказал, ко мне в общежитие за небольшое вознаграждение ходил студент, с которым я тренировался в развитии устной речи и у которого выяснял разные детали бытовой жизни. По моей просьбе он заново переписал нескромные пассажи хорошо читаемым почерком, не взяв за это денег. Так я добывал культурную информацию в Китае с безвозмездной помощью интеллигентных людей, для которых, наверное, она тоже была нова и интересна.

В Пекине я также общался с уже упомянутым Юй Ином. По его приглашению был у него в доме. Подобные визиты в то время были редки, почти за целый год я ещё был в гостях только у вышеназванного милого студента и преподавателя китайского языка, пригласившего всю группу обучавшихся им иностранцев. Очень большое внимание к нам проявляли разные китайские коммерсанты. Как раз тогда в Россию хлынула волна торговцев-челноков. Вообще, времена были интересные! Например, я стал свидетелем «железнодорожной войны», неожиданно разразившейся весной и летом 1991 г. между СССР и Китаем. Суть дела в том, что билеты на поезд из одной страны в другую стоили в Пекине 200 долларов, а в Москве — 20. Этот дисбаланс создавал спекулятивное и вызываемое им всякое прочее напряжение, в том числе искусственный билетный дефицит, которым меня пугали в посольстве. Вспоминается следующий эпизод. В марте мы отправляли на родину своих коллег, стажировавшихся полгода. Обременённые с ног до головы поклажей они днём отправились на поезд. Уже убрали их комнаты, кто-то разобрал оставшиеся вещи. И вдруг все возвращаются вечером! Они не смогли сесть на поезд! Почему не смогли? Потому что на Пекинском вокзале поезд подали на перрон за 10 минут до отправки, и вся эта публика со своим многочисленным багажом не успевала сесть в него! В следующий раз наши наученные горьким опытом соотечественники попытались заранее занять стартовые места на перроне, но

доступу туда помешали закрытые на замок двери. За этим последовали попытки вылезать через окна, после чего их тоже наглухо закрыли. Осатаневшие отъезжающие стали выламывать окна. Тогда их запаяли металлом. Надо признать, что китайские власти не были инициаторами подобных козых потягушек. Они отвечали на еще более резкие действия, которые производились с китайцами в Москве. Я же наблюдал их столь далёкое и неприятное эхо.

Е.А. Торчинов, И.А. Алимов и А.И. Кобзев (слева направо)
у Пекинского железнодорожного вокзала в 1990 г.

В такой обстановке, как я уже отметил, наше посольство всячески пыталось поскорее отправить своих подопечных восвояси. В порядке навязчивого сервиса его сотрудники сами покупали уезжающим билеты на поезд с максимально ранней датой выезда. Я же отказался от этой данайской помощи, сочтя пребывание в изучаемой стране гораздо более важным, чем получение денег, и этим аргументом отбил все попытки советских бюрократов сплавить меня с общим потоком. Отправившись в «свободное плавание», я сам столкнулся с железнодорожной проблемой. У меня был купленный в Москве билет на поезд, но на Пекинском вокзале я никак не мог получить на него посадочное место. Добился я его совершенно случайно, даже не поняв сначала, что произошло. У меня затерялась среди бумаг 20-долларовая купюра, которую я невольно передал продавцу билетов. Потом я обнаружил её пропажу. Продавец же с неожиданной любезностью вдруг выдал мне ранее недоступное место. Сам того не желая, я дал ему взятку!

Я, как и большинство моих сограждан тогда, ехал в Китай и обратно на поезде 7 суток. Это отдельное сильное впечатление, которого я с тех пор уже не испытывал, путешествуя туда только на самолёте. В то время испытывавшие острый товарный голод советские люди затоваривались в Китае до умопомрачения всяким ширпотребом и бытовой техникой. Благодаря этому езда в поезде представляла собой особое испытание.

Ехавшие домой пассажиры после полугода или десяти месяцев пребывания в товарном раю везли с собой огромное количество вещей! У каждого — десятки мест. Голь на выдумки хитра, умельцы мастерили специальные доски, которые укладывали между верхними полками для заполнения багажом. Жуткое дело! Всё купе забивалось сверху донизу. Где и как там люди спали, мне до сих пор непонятно. По-моему, они просто проводили в коридоре всю неделю путешествия.

Признаюсь, что я тоже неплохо обжился, главным образом обзаведясь невероятным количеством книг, поскольку именно в конце 1980-х — начале 1990-х годов в КНР стала выходить в свет масса ценнейшей литературы, а в нашу страну она, напротив, перестала поступать, даже в библиотеки. К тому же к концу стажировки со мною были десятилетний сын и жена, естественно, со своими вещами. В итоге, чтобы нормально уехать, т.е. успеть сесть на поезд, мне пришлось пригласить на проводы десятков или полтора китайских друзей и знакомых, вручив каждому по два предмета багажа. Только благодаря этой стратагеме я смог пробиться сквозь толпу на перроне и своевременно погрузиться в вагон. Иначе я бы не успел, как мои вышеупомянутые предшественники на этом тернистом пути!

Знакомая история. Я тоже так выезжал из Пекина в мае 1992 г.

В связи с подобными перипетиями и не только образовалось много китайских друзей. Практически все они стремились к нам, поскольку выезд за границу чрезвычайно престижен и выгоден. Целому ряду из них я отправил личные приглашения. Но они так и не приехали, потому что всё оборвалось в 1991 году. Следующий разрыв связей произошёл в 1993-м, в результате чего я ещё на десятилетие потерял возможность пребывания в Китае. Но зато с 2002 стал его регулярно посещать.

Хочу попросить вас осветить в общих чертах уже упомянутую тему китайского эроса. Как она возникла в вашей научной деятельности? И какое место вы ей отводите?

Хотя эта тема может показаться фривольной, мотивы обращения к ней вполне научны. У нас до рубежа 80–90-х годов прошлого века она была белым пятном, т.е. совершенно не исследовалась, и обращение к этой оригинальной проблематике казалось интересным и перспективным. Ранее ею просто не давали заниматься, это было невозможно по цензурно-идеологическим причинам. А когда цензура пала, сыграли роль два фактора. Во-первых, научно новая и не скучная тема. Во-вторых, с коммерческим потенциалом, т.е. возможностью свободно публиковать результаты, не кланяться у начальства на это деньги и даже получать гонорары. Я понял, что

нашёл счастливое сочетание стопроцентной научности с общественной востребованностью и коммерческой привлекательностью. Этим достаточно крупным проектом заинтересовалось одно из ведущих в то время частных издательств, которое согласилось издать красивую книгу альбомного типа и даже субсидировало мою командировку в Ленинград для поисков и съёмки иллюстраций в музейных и библиотечных спецхранах. В переговорах с издателями сложилась правильная установка на то, что тексты новаторского научно-художественного сборника должен сопровождать соответствующий визуальный ряд. Чтобы пояснить, насколько всё это было сложно, могу сказать следующее. До того, как я начал заниматься этой темой в конце 1980-х годов, на русском языке по ней было опубликовано только полстатьи (вторая половина — о древнеиндийской эротологии), и всё. Даже у китайцев не было доступа к древним эротологическим текстам, поскольку действовал цензурный принцип «выметания жёлтого» (*сао хуан*). Сейчас не только его действие перестало распространяться на научную тематику, но и начала вызывать сомнение сама формула, так как ассоциируемый на Западе с пошлостью и порнографией жёлтый цвет в Китае является атрибутом центрального первоэлемента — земли и главного человека — императора. В упомянутой мною единственной отечественной публикации данная тема эвфемистически была названа «одной дидактической традицией». Хотя включающий её и подготовленный нашим отделом сборник посвящён Китаю — «Роль традиций в истории и культуре Китая» (М., 1972), его касается половина статьи, а вторая — Индии. Индологическая часть была написана А.Я. Сыркиным⁴⁷, позднее в 1977 г. эмигрировавшим в Израиль и в 1993 г. опубликовавшим в Москве русский перевод мирового бестселлера — «Кама-сутры», а синологическая — И.И. Соколовой, переводившей Хань Юя и Лю Цзун-чжоу. Поскольку она до этого также покинула СССР, переехала во Францию и рассталась с отечественной китаистикой, для начала большого труда стоило установить с нею контакт. Когда же я всё-таки сумел до неё дозвониться и обратился с вопросом, где можно взять первоисточники, т.е. эротологические тексты, изданные в Китае в начале XX века замечательным учёным Е Дэ-хуем (1864–1927), она на удивление отказалась сообщить мне даже имя коллеги, который ими располагал. После такого обескураживающего разговора я просто вычислил владельца редкого издания, начав размышлять: кто истинный библиофил и кто мог его вывезти его из Китая в 1950-е годы. Оказалось, что он находился совсем рядом,

⁴⁷ Сыркин Александр Яковлевич (1930 г.р.). Индолог, д.ф.н. (1971). Научный сотрудник Института истории (1955-1961) и Института востоковедения (1961–1977) АН СССР, с 1978 г. профессор Института азиатских и африканских исследований Еврейского университета в Иерусалиме.

работал в нашем отделе. Это был Е.П. Сеницын ⁴⁸, проявивший исключительную отзывчивость и тут же вручивший мне все необходимые тексты без всяких затруднений. При этом он выказал редкую научную честность: будучи одним из лучших знатоков *вэньяня*, сказал, что не может перевести эти трактаты из-за их специфической сложности. Тогда мне самому пришлось взяться за дело. Перевёл один трактат и понял, что в одиночку всё не одолею. Поэтому организовал творческий коллектив, в который вошли коллеги из Института востоковедения — С.И. Блюмхен, К.И. Голыгина, Е.В. Завадская, А.Д. Дикарёв ⁴⁹, ранее упомянутый Б.Б. Виногородский и известный мастер художественного перевода Д.Н. Воскресенский, который, как удачно совпало, перевёл к тому времени второй по значимости китайский эротический роман — «Подстилку из плоти» («Жоу пу туань») Ли Юя. Позднее он его стал публиковать под менее ярким названием «Полуночник Вэйян». Но самое главное, я привлёк к этой работе уникального знатока китайского языка В.С. Таскина ⁵⁰. И тоже — удивительное дело — мне казалось, что у этого весьма пожилого человека старой закалки обращение к подобной тематике вызовет отторжение или по крайней мере трудности. Ничего подобного! Он взялся за дело как молодой энтузиаст, выполнив всё быстро и наилучшим образом.

Можно сказать, что вы реализовали этот проект довольно успешно. Вышла большая книга «Китайский эрос», и это был действительно прорыв. Появилось много сопутствующих статей.

Да, это было действительно большое достижение, пионерское издание. Увидели свет 50 000 экземпляров книги. Это был огромный тираж, который разошёлся сразу. Книга вышла, как и «Кама-сутра» на русском, в 1993 году, но должна была появиться ещё в 1990-м. На технической странице написано, что она сдана в набор в 1990 и подписана к печати в 1991 году. Я ожидал её публикации, когда ещё находился в Китае. Но жизнь сложна и полна неожиданностей. К примеру, ещё советские цензурные рогаки я преодолел с

⁴⁸ Сеницын Евгений Павлович (1933–2002). Китаевед, к.и.н. (1978). Окончил истфак МГУ (1956), истфак Пекинского университета (1962). Научный сотрудник ИВ РАН (1966–1998). Исследователь древнекитайской истории и философии, зарубежного китаеведения.

⁴⁹ Дикарёв Андрей Дмитриевич (1958 г.р.). Китаевед-историк, к.и.н. (1984). Научный сотрудник ИВ РАН (с 1980). Стажёр Китайского народного университета (Пекин, 1984–1985). Специалист по новейшей истории Китая.

⁵⁰ Таскин Всеволод Сергеевич (1917–1995). Китаевед, к.и.н. (1968). Окончил восточно-экономическое отделение Харбинского юридического факультета (1936). Переводчик на КВЖД, в Отделении Торгпредства СССР, в юротделе АО «И.Я.Чурин и К°» (1945–1947). Диспетчер автопарка МТС в Северном Казахстане (1954–1955). Научный сотрудник Института китаеведения (1957–1961), ИВ АН СССР (1961–1995). Переводчик и исследователь китайских исторических сочинений.

помощью выдающегося учёного-первопроходца И.С. Кона (1928-2011)⁵¹, написавшего предисловие, которое начинается словами: «Предлагаемый вниманию читателей сборник представляет собой явление, редкое в мировой и беспрецедентное в отечественной литературе». В новой России возникли и новые проблемы. Весьма преуспевавшее и богатое издательство рухнуло, его директора арестовали. В общем, произошла целая уголовно-детективная история. И лишь через три года книгу выпустило совсем другое издательство, правда, правопреемник первого. Занимаясь этим проектом, я разработал план издания не только данной книги, но целой серии. По прошествии многих лет, подводя итоги при написании статьи «Эротология» в 5-й том энциклопедии «Духовная культура Китая», я вдруг с удивлением обнаружил, что этот план в значительной степени реализовался. Появилось много работ и публикаций, тема пошла и была в значительной мере раскрыта. По своему масштабу она подошла бы для целого института! Тем не менее, правильно организованная работа, удачно собранный коллектив и достаточное финансирование позволили её выполнить сравнительно с задачей совсем небольшими силами. Это счастливый пример самостоятельной и уже довольно давней реализации схемы, к которой нас теперь призывают и даже принуждают руководители науки и образования: смелый научный проект — актуальная тема — целевое финансирование — стратегические решения — практические достижения.

Когда появилась в вашей жизни энциклопедическая тема, как особый проект? И почему?

Я уже обозначил эту тему пунктиром. Сначала возник теоретический интерес к особенностям китайской философии. Её понимание дают наиболее общие и специфичные понятия, т.е. категории, играющие роль своеобразного генотипа. Я составил список этих категорий и стал интересоваться аналогичными работами предшественников. Дальше начал их одну за другой последовательно описывать — совершенно независимо, но, как позднее выяснилось, сходным образом с тем, что тогда же начали делать китайские коллеги, обратившиеся от марксистских схем к собственному философскому наследию. Просто писал и печатал статьи по отдельным категориям. Скажем,

⁵¹ *Кон Игорь Семёнович* (1928–2011). Социолог, антрополог, философ, сексолог и публицист. Один из пионеров социологии и сексологии в СССР/России. К.и.н. (1950), д.филос.н. (1960), профессор (1963), академик РАО (1989), почётный профессор Корнелльского университета (1989) и Университета Суррея (1992).

рассматривая основополагающие философские понятия *ю* 有 и *у* 無, я самостоятельно пришёл к фундаментальному выводу, что это не «бытие» и «небытие», а «наличие» и «отсутствие». Потом, правда, обнаружил, что до меня это описал один из крупнейших синологов XX века, англичанин Ангус Грэм⁵². *Шэнь* 身 — «личность, тело» — тоже своеобразная категория, аналога которой нет на Западе, где тело принципиально отличается от личности как души и никоим образом не охватывается одним философским понятием. О *шэнь* я написал большую статью, опубликованную в 1979 г. в журнале «Народы Азии и Африки» (ныне — «Восток»). Потом последовало уже упомянутое общее обсуждение, круглый стол, синоптический список категорий и наиболее общих понятий. А дальше был энциклопедический словарь «Китайская философия», создание которого инициировал М.Л.Титаренко, как историк китайской философии и государственно мыслящий человек, реализовавший возникшую в новых условиях возможность. Перед этим, с началом горбачёвских перемен в 1985 г. он плавно перешёл от политико-идеологической работы в ЦК КПСС к научно-административной во главе ИДВ АН СССР и, соответственно, как любой директор академического института готовился стать членом-корреспондентом РАН, набирая научный вес в академической тематике и привлекая ценных специалистов. В частности, в 1985 г. М.Л. Титаренко издал в качестве монографии о Мо-цзы свою кандидатскую диссертацию, защищённую двумя десятилетиями раньше. Такая задержка была, видимо, вызвана «великой культурной революцией», разразившейся вскоре после защиты и переключившей его внимание с моизма на маоизм, критике которого он посвятил докторскую диссертацию 1979 года. Возвращение к старой теме напоминало переход от войны к миру и перековку меча на орало, поскольку маоизм им трактовался как «идеология и политика войны», а моизм — философия мира и «всеобщей любви» (*цзянь ай*). Книгу М.Л. Титаренко искусно отредактировал А.Г. Юркевич⁵³, приглашённый после этого на работу в ИДВ и в качестве ответственного секретаря редколлегии сыгравший заглавную роль в создании пионерского словаря «Китайская философия», где мне довелось стать членом редколлегии и самым плодовитым автором.

⁵² Ангус Чарльз Грэм (1919–1990). Английский учёный-синолог, переводчик и исследователь философской классики.

⁵³ Юркевич Александр Геннадьевич (1952). Китаевед, к.и.н. (2000), доцент (2004). Окончил Военный институт иностранных языков (1975). Научный сотрудник ИДВ РАН (1986–2003). Преподаватель РУДН (с 2003), НИИУ ВШЭ (с 2011). Исследует новейшую историю Китая, классическую китайскую философию и культуру.

Следует учесть ещё одно обстоятельство — после пятитомной «Философской энциклопедии», которая издавалась в «пёстрое» десятилетие с 1960 по 1970 г. и, подобно кентавру, была наполовину идеологической, а наполовину научной, в разгар перестройки, в 1989 г. увидело свет качественно новое второе издание «Философского энциклопедического словаря». Достаточно сказать, что первым в редколлегии значился С.С. Аверинцев. К тому времени основной автор достойных синологических статей в двух последних томах «Философской энциклопедии» — В.А. Рубин уже покинул пределы не только нашей страны, но и земного бытия. Поэтому издательство «Советская энциклопедия» стало искать ему замену. Нашли меня, я увлёкся и написал наибольшее количество статей. Постепенно превратился в заправского энциклопедиста, участвуя во всех крупных энциклопедиях, которые уже изданы и продолжают издаваться. В том числе электронных, каковой, например, является «Кругосвет». Первоначально это был один из больших гуманитарных проектов Дж. Сороса, который выкупил американскую «Энциклопедию Кольера», вторую после знаменитой «Британики», более простую англоязычную энциклопедию. Планировалось её русифицировать на 10 % и издать обычным образом на бумаге, чтобы в постсоветской России иметь альтернативу «Большой советской энциклопедии». Но в итоге, после проведения длительной и серьёзной работы оказалось возможным опубликовать только электронную версию, которая сначала в 2002 году появилась на электронных дисках, а потом — в сети. Тогда же, в 2002 году вышла и четырёхтомная «Новая философская энциклопедия», которая, кстати, тоже получила Государственную премию. И в ней я написал наибольшее количество статей по китайской философии. Сейчас продолжают выходить тома «Большой Российской Энциклопедии», «Новой Российской Энциклопедии», «Православной Энциклопедии», которая, по сути, является большой гуманитарной энциклопедией. Во всех этих изданиях сам спрос обусловил предложение с моей стороны, я считаю эту научно-просветительскую работу своим профессиональным долгом.

В общем, у меня образовался большой задел энциклопедических материалов. После несомненного во всех отношениях успеха «Китайской философии», изданного рекордным тиражом 10 000 экземпляров, у директора ИДВ возникла закономерная мысль подняться на более высокий энциклопедический уровень. Поэтому с 1994 года десять с лишним лет силами сотрудников института под неформальным руководством А.Г. Юркевича готовился прототип энциклопедии «Духовная культура Китая». К 2005 году сформировался двухтомник объёмом около 150 авторских листов, который был представлен как готовый продукт в академическое издательство

«Восточная литература». Но неожиданно рецензенты и компетентное издательство признали его крайне неудачным, попросту некачественным. Координатор проекта, А.Г. Юркевич, опрометчиво взваливший на себя непосильный груз, не получивший достаточной поддержки от впавших в апатию исполнителей и не сумевший преодолеть ошибочную ограниченность их круга стенами одного института, поссорился с основными фигурантами и перешёл преподавать в РУДН. Коллектив распался, дальнейшие инициативы сталкивались с обструкцией, попросту говоря, всем всё надоело. Корнем зла, на мой взгляд, была неправильная установка на создание энциклопедии преимущественно сотрудниками ИДВ. Для решения такой грандиозной задачи и сил одной национальной синологии недостаточно, по существу — это международный проект. В сложившейся тяжёлой ситуации М.Л. Титаренко попросил меня написать рецензию и оценить остроту проблемы. Я нелицеприятно высказал своё негативное мнение и предложил всё устроить принципиально по-новому, а именно: создать свод достижений всей российской синологии, а не ограничиваться плодами деятельности Института Дальнего Востока. Моё предложение было принято. Для его осуществления образовали новую организационную структуру, в которой директор как главный редактор отвечал в целом за проект, т.е. прежде всего за формат, объём, сроки исполнения, финансирование, кадровое обеспечение и т.п. На втором уровне руководства как заместители главного редактора действовали мы с моим однокурсником А.Е. Лукьяновым. Будучи руководителем одного из важных подразделений ИДВ, он отвечал главным образом за выполнение сотрудниками института огромной научно-технической работы, обусловленной большим объёмом (около 500 а.л., или более 5500 страниц) и сложной архитектурой всего издания, охватывающего свыше 2000 статей, написанных более чем сотней авторов, снабжённых тысячами иллюстраций и богатым научным аппаратом с непременной иероглификой. Только проверка и обработка всей этой информации, уж не говоря про её поиск и превращение в энциклопедический продукт, — чрезвычайно сложная и трудоёмкая вещь. В мои же обязанности входило привлечение внешних и новых авторов, расширение словника и соответствующий поиск недостающих статей, т.е. в основном вопросы, связанные с «начинкой» этого продукта, его содержанием. Однако приходилось по ходу дела решать самые разнообразные задачи: от сугубо творческих — по написанию новых статей (и я их написал больше любого другого автора, причём единственный — во всех шести томах) или разработке архитектуры, дизайна и марки издания, и до технических — по подбору иллюстраций и проверке указателей. Дополнительным — и контролирующим, и сотворческим органом выступило

издательство «Восточная литература», прежде всего в лице директора, профессиональной китаистки Светланы Михайловны Аникеевой, которая сыграла важную организующую роль не только как администратор, но и как член редколлегии и научный редактор.

А.Е. Лукьянов, М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, В.Н. Усов (слева направо) в кабинете директора издательства «Восточная литература» на Цветном бульваре в 2008 г.

А.Е. Лукьянов, В.Е. Еремеев, А.И. Кобзев (слева направо в верхнем ряду) и С.М. Аникеева в кабинете директора издательства «Восточная литература» в 2009 г.

Столь же творчески подошёл к делу и занимавшийся художественным оформлением и макетом Игорь Иванович Меланьин, истинный любитель книги и ныне заместитель главного редактора журнала «Восточная коллекция», издаваемого Российской государственной библиотекой (ранее – Ленинка).

Поиск иллюстраций к энциклопедии в РГБ в 2009 г.

И ещё я добился того, чтобы мы не просто обобщали и энциклопедически «упаковывали» уже известные материалы, т.е. снимали информационные «сливки», но и по ходу дела дорабатывали имеющиеся и писали новые. Проект одновременно стал исследовательским, и за пять лет издательской работы было сделано немало интересных открытий, отражённых лишь в этой энциклопедии и нигде более.

Сейчас мы с вами говорим уже об энциклопедии «Духовная культура Китая»?

Да, такой была моя энциклопедическая «карьер»: от участия в новаторском «Философском энциклопедическом словаре» 1989 года до этого совершенно оригинального издания, завершённого в 2010 году.

Презентация энциклопедии «Духовная культура Китая» в Китайской академии общественных наук в Пекине 07.06.2010

А.И. Кобзев за столом И.В. Курчатова (1902/3-1960)
в его кабинете в Курчатнике в октябре 2010 г.

И в этой связи были отмечены Государственной премией. Вы не подсчитывали, как это любят китайские коллеги, сколько примерно человек (авторов) участвовало в этом проекте?

Авторов, по-моему, около 140. Есть, увы, и уже почившие. Реально участвовавших в процессе написания было, наверное, несколько десятков человек.

Как вы оцениваете значимость этого, теперь уже выполненного проекта? И планируется ли продолжение или переиздание этой Энциклопедии?

Этот проект успешен в разных аспектах. В том числе и по интересу к нему со стороны читателей. Первые два тома быстро разошлись. В 2010 году увидел свет последний том, а в 2011 уже были переизданы два первых. В целом, это действительно грандиозный, беспрецедентный проект. Я серьёзно готовился к работе в нём и предварительно изучил всё сделанное до нас. Надо было разработать новую модель, опираясь на ранее достигнутое.

Президент РФ Д.А. Медведев вручает А.И. Кобзеву знак лауреата
Государственной премии 12 июня 2011 г. в Кремле

Президент РФ Д.А. Медведев и А.И. Кобзев во время награждения
Государственной премией 12 июня 2011 г. в Кремле

Лауреаты Государственной премии (*справа налево*): А.И. Кобзев, В.П. Гапонцев, Е.В. Миронов и А.Е. Лукьянов на банкете после вручения премий в шатре на Соборной площади Кремля (12.06.2011)

Изучили глобальный опыт предшественников?

Совершенно верно. Самая основательная из предыдущих попыток была предпринята синологическим сообществом всего мира в соответствии с принятой в 1986 году на международной конференции в Неаполе концепцией всеобъемлющей «Энциклопедии китайской истории и культуры». В этом хорошо финансировавшемся проекте участвовали крупнейшие синологи из разных стран, координационные центры располагались в США и Италии. Организаторы рассылали циркулярные письма во все концы света, вплоть до Японии и СССР. Был разработан и издан проспект, предполагавший выпуск 10 томов. Бюджет составлял 200 000 долларов США в год. Тогда это были огромные деньги. И, несмотря на столь прекрасные предпосылки, ничего не получилось! Не вышел ни один том! Однако я использовал этот негативный опыт, и у нас получилось! Более того, мы значительно перевыполнили первоначальный план. Во всём нашем издании весьма заметен рост объёма. Сначала планировалась, как отражено в подзаголовке, «энциклопедия в пяти томах» по 50 авторских листов в каждом. Но в итоге выдали на-гора шесть томов и, если первый увеличился до 60 листов, то последний — уже до 90! Последний том по искусству, из-за нарушения заявленного количества томов условно названный дополнительным, еле уместился в технологически допустимый формат. Для этого пришлось лишиться дизайнерского изыска в виде свободных полей по краям страниц. Не только объёмы, но и качество возрастало по мере работы. Ярким подтверждением высококачественности полученного результата может служить признание не только в родном отечестве, но и в самом Китае, где уже принято решение о переводе этой энциклопедии на китайский язык. Осуществляется это в Сычуаньском университете.

Я слышал, что этот проект курирует известный русист, профессор Лю Я-дин. Но тут, уж позвольте, у меня есть некоторые сомнения. Есть ли смысл переводить на китайский язык некоторые вещи? И возможно ли перевести обратно на китайский те тексты, которые были переведены на русский с китайского же языка? Как это выполнить технически?

Я с вами согласен в том, что здесь есть проблемы. Более того, мною и другими коллегами отмечен целый ряд опечаток, неточностей и ошибок. В этом нет ничего страшного — дело живое! Но, к сожалению, наш руководитель, на мой взгляд, совершил принципиальную ошибку, отказавшись от продолжения хорошо налаженной работы, вместо того чтобы её, напротив, развивать. С моей точки зрения, никакая награда тут не должна

считаться концом истории. Самая главная и очевидная претензия, по-моему, и вы её высказывали, состоит в неполноте охваченного материала. Но моя идея была в том, чтобы обобщённо отразить всё самое ценное из имеющегося и, опираясь на этот надёжный фундамент, двинуться дальше. Сразу после публикации 6-го тома в редколлегии речь шла о 7-м и 8-м, вообще о продолжении. Увы, Россия славна недостроями. Сколько прекрасно начатых изданий не нашли своего завершения или даже продолжения! Поэтому, слава тебе Господи, хоть завершили! Но я убеждён, что эту энциклопедию необходимо ПРОДОЛЖАТЬ! База построена, и можно совершить просто феноменальный рывок! Но, повторяю, подобное явление типично для России. В области синологии предшествующая госпремия была дана почти три десятилетия тому назад за другое мировое достижение — четырёхтомный «Большой китайско-русский словарь». Для своего времени это был китайско-иноязычный словарь № 1. Безусловно, его надо было продолжать и выводить на новый уровень, а вместо этого все работы свернули и занимавшуюся им группу распустили!

Пока мы не продолжаем, плодами наших усилий воспользовались китайские коллеги. И все кому не лень.

Совершенно верно. Во-первых, его успели переиздать в Китае пиратским образом: сначала факсимильно без выходных данных, а затем, переформатировав по фонетическом принципу, в двух томах в Чанчуне в 1992 году с переизданием в 1993. Во-вторых, он был использован потом уже для совершенно самовольного заполнения электронных гаджетов. Но что делать?! Сами виноваты. Да и у нас его самопальная электронная версия используется и распространяется в сети без всяких лицензий и серьёзных научных усовершенствований.

Наш разговор постепенно подходит к вопросу о делах и состоянии всего отечественного китаеведения. Если рассматривать в глобальном контексте, в чём, на ваш взгляд, состоит его особенность и главное отличие от зарубежной, прежде всего западной синологии в целом?

Безусловно, в нём есть своя специфика, как и во многом другом, созданном в России. Прежде всего, первые контакты с Китаем были совсем другими, нежели у Запада, который проникал туда с юга и по морю либо по Великому шёлковому пути. А мы — по суше и с севера. С этих разных сторон Китай ещё с античности виделся по-разному — как две страны: одна населённая *серами*, другая — *синами*. Это различие связано не только с разницей в контактах, как в притче о слепых, описывавших слона, оно отражает древнейшее и сущностное деление на Север и Юг как два разных

очага китайской цивилизации. Уходящий в архаические глубины принцип полярной бинарности пронизывает все китайские реалии от быта до осмысления бытия, а в пространственном аспекте он более известен по оппозиции Восток–Запад. Повторяю, «наш» Китай — северный, весьма отличный от южного. Даже антропологически северяне — совсем иные, чем южане, не говоря уж о различиях в материальной и духовной культуре. Исторически наше взаимодействие с Китаем имеет одно сходство с западным: его первые настоящие исследователи из России и Западной Европы были духовными лицами. Это европейские миссионеры, в первую очередь католики-иезуиты, и члены Российской духовной миссии в Пекине, основанной Петром Первым в 1715 году. С другой стороны, там и тут были важные различия в мотивировках. Изначально и по замыслу наша миссия представляла собою государственное предприятие, а на Западе преобладала частная или церковная инициатива, причём в её особом культуртрегерском варианте — сначала католиков-иезуитов, а потом и англо-американских протестантов. За этим не было государственного заказа. История же российского китаеведения показывает, что оно процветало тогда, когда получало государственную поддержку. Наверное, такова одна из его особенностей. Кроме того, очень важно, что мы — непосредственные соседи. Взаимное присутствие большого количества людей там и тут, своего рода человеческая диффузия — тоже кардинальный фактор, порождающий довольно сложные, порой противоречивые процессы. В некоторые периоды тесного сближения двух стран и, соответственно, наибольшего перемещения их граждан в ту и другую сторону вдруг оказывалось, что научный потенциал понижался, хотя по логике вещей должен был повышаться. И наоборот, в периоды отчуждения, изоляции и даже прямой конфронтации вдруг оказывалось, что наука о противоположной стороне расцветала. Объяснение в том, что речь идёт о двух разных сферах: академической синологии и практического познания Китая. Они даже терминологически различаются как *китаеведение (синология)* и *китаистика*.

Китаистика — это практическое освоение языка или языков и знаний о бытовой жизни, политических и социально-экономических реалиях. А *китаеведение*, или *синология*, — знание культурных основ, воплощённых в философии, литературе, истории, освоение не только разговорного, но и письменно-литературного китайского языка (*вэньяня*), и всего, что с этим связано. Процессы развития этих двух дисциплин — разные. Они могут совпадать или не совпадать. Иногда даже находятся в контрафазах. И это ещё одна особенность. Что можно добавить? Были у нас в XX веке особые отношения с Китаем. Такие, каких не было ни с одной другой страной в

мире. Это естественно сказалось на образах, которые сложились в двух странах друг о друге. Шлейф отношений «великой дружбы» и «вечного братства» середины XX века до сих пор ощутим, поскольку ещё есть живые свидетели и остались значимые документы. Это был исторически недолгий, но очень важный период, который позволил нам многое узнать друг о друге и выйти на передовые рубежи синологических исследований.

Если взять конкретно область ваших исследований и ведущих подобные исследования западных коллег, имеются ли какие-то принципиальные, существенные различия в подходах, выборе тем, методологии, выводах?

Исторически наша наука была всё же более ангажированной. Я говорил, что она родилась как государственное предприятие, связанное с православной церковью, в значительной мере тоже огосударствлённой. В СССР действовали содержательно иные, даже противоположные — атеистические, но не менее жёсткие идеологические и тематические ограничители. Так что зоны и периоды свободного исследования были невелики. Сейчас, начиная с 1991 года, подобные препоны пали, но возникли другие проблемы, прежде всего связанные с финансированием. В этом смысле западная синология более свободна благодаря большему количеству и разнообразию источников финансирования. Кроме того, на Западе гораздо шире исследовательский базис в виде переведённых текстов. Там значительно раньше начали переводить китайскую классику — философскую, историческую, литературную. Западные исследования опираются на эту мощную переводческую традицию, включающую в себя и несравненно большее, чем у нас, количество справочной литературы. Тут мы, к сожалению, не вполне конкурентоспособны. Однако в силу указанных особенностей взаимодействия с Китаем, а также территориальной и (в своё время) идеологической близости, на некоторых направлениях мы смогли продвинуться очень глубоко. В российском китаеведении есть особые зоны, где мы, безусловно, являемся лидерами. Во всех авторитарных системах государственный контроль — это палка о двух концах. С одной стороны, он ограничивает свободу научных поисков, с другой — позволяет осуществлять крупномасштабные проекты, решать грандиозные задачи, которые кроме как большим коллективом и с государственной поддержкой не решить.

В силу противоречивости нашего государства, его внимание, с одной стороны, вело к подъёму китаеведения, с другой стороны, мешало ему. Того же Бичурина обвиняли в том, что он изучает Китай в ущерб миссионерской работе. В 1920-х государство в СССР резко повысило

внимание к китаеведению в связи с попытками экспорта революции в Китай. Но этот слепой «госзаказ» и догматичное идеологическое менторство просто губили науку. Сталинские репрессии 1930-х и политизированные пертурбации 1950–1970-х были тоже итогом повышенного внимания государства. Думаю, одна из особенностей российского китаеведения — его живучесть, способность выживать в регулярно возникавших экстремальных, даже гибельных обстоятельствах.

Да, есть и такая «особенность», как истребление целых поколений китаеведов, — тут уж нам равных нет! «Большой террор» коснулся всех. В России имеется несколько основных центров китаеведения: Питер (Ленинград), Москва, Казань и Владивосток. Питерское китаеведение в 1930-е годы было просто «сметено». И дальневосточное тоже, почти под чистую. Причём саморазрушительная абсурдность ситуации состояла в том, что в 1939 году, уже в разгар мировой войны, власти уничтожили замечательный Восточный институт во Владивостоке, в прямом и переносном смысле находившийся на передовой позиции в изучении дальневосточного региона, где происходили судьбоносные для всего мира события! В Маньчжурии эти события начались уже с 1931 года, когда туда вторглась Япония и, по моему мнению, началась Вторая мировая война (Германия лишь повторила вооружённый захват других государств и выход из Лиги Наций, разрушивший международный правопорядок). Это просто невозможно понять. По обычной человеческой логике нужно было, напротив, наращивать, а не разрушать востоковедные ресурсы. Сходные события произошли и в Ленинграде, и в Москве. Закрытие Института китаеведения в конце 1950-х — тоже яркая история. С одной стороны, в 1956 году был достигнут пик «великой дружбы», вследствие чего Политбюро ЦК КПСС приняло решение о создании специализированного Института китаеведения, специализированного журнала «Советское китаеведение» и специализированного интерната с углублённым изучением китайского языка. Последнее было особенно мудро, потому что этим сверхсложным для нас языком надо, конечно, заниматься с малых лет, чтобы овладеть им по-настоящему. Оптимально в данном случае — непрерывное образование от первого класса, и даже детского сада, до аспирантуры. Но что получилось? Прошло совсем немного времени — институт и журнал закрыли, а интернат довели до плачевного состояния. Вот две стороны одной медали! Потом, уже в середине 1960-х, это было чуть компенсировано созданием Института Дальнего Востока и другого мощного синологического центра — Отдела Китая в Институте востоковедения. Ещё одно отличие — в России, как в

сейсмической зоне, всё время «трясёт», идут постоянные слияния и разделения. Сперва в начале XIX в. образуют центр китаеведения в Казани. Потом в середине XIX в. переносят его в Петербург. После октября 1917-го снова переносят, на сей раз в Москву. Уже упомянутый образованный в конце XIX в. Восточный институт во Владивостоке тоже прикрывают через 40 лет. Всё время какие-то открытия-закрытия, тряски-перетряски, которые, кстати, в разгаре и сейчас — как в образовательной, так и в академической областях. Если сравнить с жизнью западных коллег — там в существующих веками университетах всё продолжается, наращивается, аккумулируется. А у нас, казалось бы, хорошее дело — строительство нового Дальневосточного федерального университета (ДФУ), где я недавно был, обернулось очередным разрушением. Из центра города с историческими памятниками надо выводить вредные предприятия, а не студентов, для которых очень важна культурная атмосфера. Слияние разных вузов — это всегда чреватое конфликтами соединение разнородных кадров и обременительное переселение. Как известно, переселение равно половине пожара. На диком берегу малоосвоенного острова Русского, вдали от хрупкого очага цивилизации, эффективной работы в ближайшие годы ожидать не приходится. Потому что люди должны обживаться на новом месте и находить общий язык с новыми сотрудниками. Но энтузиазм наших коллег, работающих вопреки всему, конечно, заслуживает уважения!

Тут ключевая фраза — «вопреки всему», в том числе государству. Кстати, один из редко упоминаемых глубоких кризисов возник после революции 1917 и Гражданской войны, когда наша синология раскололась на две части — советскую и эмигрантскую. В 1930-х эти половины были совсем разорваны, затем начались репрессии. Удивительно, что даже в таких гиблых условиях тонкая «ниточка» преемственности всё же сохранялась благодаря энтузиазму отдельных людей. Наследие академика В.М. Алексеева⁵⁴ публиковали его ученики. Работы Н.А. Невского⁵⁵ были изданы после войны его коллегами в Ленинграде. Работы М.И. Казанина⁵⁶

⁵⁴ Алексеев Василий Михайлович (1881–1951). Российский китаевед (историк, литературовед, знаток духовной культуры Китая). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904–1909). Академик АН СССР (1929). Преподаватель СПбГУ/ЛГУ (1910–1951). Сотрудник Азиатского музея / ИВ АН СССР (1902–1951). Член американской Академии политических и социальных наук (1923). Член Союза писателей СССР (с 1947). Автор около 280 работ.

⁵⁵ Невский Николай Александрович (1892–1937). Востоковед-лингвист, специалист по ряду языков Восточной Азии, доктор языковедения (1935). Один из основоположников изучения мёртвого тангутского языка. Автор изданной посмертно работы «Тангутская филология» (1960, присуждена Госпремия СССР). Окончил Петербургский университет (1914). Жил и работал в Японии (1915–1929). Преподавал в ЛГУ, ЛВИ (1929–1936). Арестован и расстрелян в 1937. Реабилитирован посмертно в 1957.

⁵⁶ Казанин Марк Исаакович (1899–1972). Китаевед, историк и экономист, писатель, дипломат. В 1920–1921 гг. — 1-й секретарь дипломатической миссии ДВР в Китае. Сотрудник военной миссии В.К.Блюхера в Китае

собраны в отдельной книге его учеником В.С. Мясниковым. Вы тоже занимались публикацией работ Ю.К. Щуцкого и В.А. Рубина лишь «по зову души». За счёт этого и выживает, даже возрождается наше китаеведение.

Всё это яркие иллюстрации тезиса о том, что «рукописи не горят». Сначала исчезают вслед за арестованными китаеведами. Потом из каких-то недр всплывают. Поистине, пути Господни неисповедимы. Показательны судьбы двух выдающихся востоковедов — академиков В.М. Алексеева и Н.И. Конрада⁵⁷. Первый происходил из «низов» общества, но ненавидел свой «пролетарский класс» и заявлял об этом публично. Вторым, напротив, был выходцем из обеспеченной семьи, но пытался, «здрав штаны, бежать за комсомолом» и всячески сотрудничал с советской властью. Тем не менее, Алексеев не стал жертвой молоха репрессий, хотя находился на грани ареста, а Конрад взошёл на советскую Голгофу, испытав тюремные пытки и получив лагерный срок. Тут всё непредсказуемо... XX век показал, что в России путь китаеведа тернист и дисциплина эта опасна для жизни.

В 1991 году Советский Союз перестал существовать. Оглядываясь на минувшие с тех пор 22 года, как вы оцениваете влияние развала СССР на российское китаеведение?

Для отечественного востоковедения это был тяжёлый удар, что можно продемонстрировать и количественно. В лучшие советские годы в нашем Отделе Китая ИВ АН СССР работало 55 человек. А в 1990–2000-е годы их число снизилось до 17. Такое трёхкратное уменьшение в мирное время, конечно, поразительно. Произошло «вымывание» из науки целых поколений, причём самых работоспособных. Если в советскую эпоху многие активно боролись за начальственные должности — заведующих секторами и отделами, то сейчас просто нет кадров, которые возглавили бы эти подразделения.

А тех, кто есть, приходится уговаривать.

Да. Приходится уговаривать. Потому что если у специалиста есть высокая квалификация, то он может найти и другие способы самоосуществления, экономически гораздо более привлекательные. Повторилась и упомянутая

(1926–1927). Преподавал в КУТК (1927–1930), КУТВ, ИКП, МИВ, МГУ. Изучал историю русско-китайских отношений. Дважды арестован в годы сталинских репрессий. Полностью реабилитирован в 1956–1957.

⁵⁷ Конрад Николай Иосифович (1891–1970). Российский востоковед-китаевед, японовед, специалист по истории и культуре Японии и Китая. Окончил китайско-японское отделение Петербургского университета (1912). Учился в Японии (1914–1917). Профессор (1926), д.филол.н. (1934, без защиты). Академик АН СССР (1958). Лауреат государственной премии СССР (1972). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1931–1970). Автор более 300 работ.

вами история с раздвоением синологии после Октябрьской революции. Очень многие наши коллеги оказались и на Западе, и в Китае, и в странах «ближнего зарубежья». В последние годы происходит интересный новый процесс — создаётся «альтернативная синология». Вне наших официальных — академических и учебных институтов продолжают свою работу долгие годы живущие за границей (прежде всего в Китае) коллеги, среди которых, к примеру, можно назвать таких выдающихся учёных, как М.В. Крюков и В.В. Малявин. Подрастают и специалисты новых поколений, которые живут и работают в Китае или других странах и реализуют свой научный потенциал в новых формах: публикуются в Интернете, создают электронные журналы, газеты, форумы, и т.д. Эта технологически новая ситуация в то же время напоминает издание востоковедных газет, журналов и книг нашими соотечественниками в послереволюционной эмиграции, например, в Харбине. К сожалению, эти научные направления повторяют былую разъединённость, вынужденную в конфронтационном прошлом, но совершенно неестественную ныне. Пока они в единый поток, увы, не слились.

Уход или даже потеря для профессии этих людей произошли в основном в 1990-х. Можно ли говорить о каком-то возрождении российского китаеведения, скажем, с начала 2000-х годов?

Вообще, да, некоторые позитивные тенденции присутствуют. Основные центры подготовки китаеведов всё-таки сохранились и даже разрослись количественно. Они производят достаточное число формально дипломированных китаистов, из которых абсолютное большинство прежде всего в силу экономических обстоятельств идут на практическую работу. Тем не менее, вопреки всем соблазнам, некоторые остаются в науке. Что касается качества, то одна из проблем и особенностей российской китаистики (может, и китаистики вообще) — её недостаточная дифференцированность. Это сложный вопрос: должно ли китаеведение, развиваясь, делиться на специальности, скажем, на филологию, философию, историю, экономику, или продолжать оставаться «интегральной» наукой. Не углубляясь в теорию вопроса, следует признать хотя бы практическую необходимость определённых специализаций. У нас же их список слишком короток. Как историк философии могу напомнить, что специально подготовленные профессионалы появились в этой области относительно недавно, в 1970-е годы, а официальный статус данная специальность получила вообще всего лишь несколько лет тому назад. Очень важно здесь иметь более широкий спектр. Например, совершенно необходимы профессиональные

искусствоведы, потому что сегодня к необъятным белым пятнам в изучении традиционного китайского искусства прибавились ещё бóльшие проблемы с осмыслением его современных форм, которые очень быстро и разнообразно развиваются. Я уж не говорю про феноменальный рост во всём мире интереса к китайскому антиквариату, появление соответствующих аукционов в КНР, бурное умножение там музеев и обильное заполнение их стендов новейшими археологическими находками, что настоятельно требует оперативной научно-исследовательской реакции с нашей стороны. Ещё важнее, поскольку это связано с проблемами глобальной стратегии, изучать современные информационные технологии и новые компьютерные науки в приложении к иероглифике. Соответствующей специализации тоже пока нет. Тем не менее, какие-то молодые энтузиасты, сведущие в этом деле, появляются, увы, без государственной поддержки.

В 2011 году, когда было вручение Госпремии, вы получили возможность пообщаться напрямую с президентом России и передали ему письмо о проблемах современного китаеведения. Почему вы решили написать это письмо и какие проблемы в нём поднимали?

Поскольку я отдал китаеведению уже более 40 лет, его судьба меня действительно волнует. В том письме я сформулировал ряд предложений, на мой взгляд, полезных для нашей науки. Первое касается решения следующей проблемы. Странным образом возникло обратное соотношение между ростом мирового значения Китая и развитием отечественной синологии. Китай уже фактически стал супердержавой, а российская синология, несмотря на отдельные позитивные сдвиги, в целом, как шагреновая кожа, сжимается. Почему? В этом противоречии есть своя логика: экономический рост Китая вызывает отток специалистов из научной деятельности в практическую, ибо материальное обеспечение там и тут разнится в разы. Если молодой человек после окончания соответствующего вуза идёт работать в коммерческую структуру, он стартует там с зарплаты в 50–60 тысяч рублей. А в академической системе это будет в пять раз меньше. Поэтому в условиях острого дефицита кадров решить проблему «глобально» можно только объединив все оставшиеся силы китаистов и в научном, и учебном плане. Современные электронные средства коммуникации облегчают её решение, давая возможность объединяться без переезда в один город и устройства на работу в одну организацию. Ещё один инструмент — не всеми у нас любимая болонская система, которая позволяет студентам учиться не только на одном факультете, специализироваться не только на одной кафедре, а идти индивидуальным путём, набирать баллы на других

факультетах, в другом вузе и даже в другой стране. Если в каком-то вузе есть специалисты в одной области, но нет таковых в другой, можно обратиться туда, где они имеются и пройти у них обучение с зачётом в своём вузе, таким образом получив действительно полноценное образование. Поэтому, приняв мудрое государственное решение, можно было бы создать сейчас университет или академию синологии как центр, объединяющий всё лучшее в нашей стране по данной специальности. Мы получили бы от этого объединения кумулятивный эффект со всеми вытекающими последствиями. Желательно сюда добавить специализированный журнал с полной электронной версией. К сожалению, такого журнала до сих пор в России нет. Совершенно асимметричным образом и не в нашу пользу в Китае есть несколько журналов, посвящённых России и даже её отдельным регионам или проблемам. Сейчас подобную роль у нас выполняет ежегодное издание в двух или трёх книгах материалов конференции «Общество и государство в Китае». По объёму и широте тематики оно превосходит любой западный журнал подобного профиля.

Вторая проблема — обеспечение синологии инструментами первостепенной значимости, а именно словарями. Один из мировых рекордов отечественной синологии — упоминавшийся «Большой китайско-русский словарь». За его подготовку сначала отвечал академик Алексеев, которого обязанность возглавлять эту стратегически важную работу даже спасла от тюрьмы. 50 лет словарь готовили и наконец в 1983–1984 годах выпустили. Но дальше набранный потенциал был растрочен и не последовало никакого развития. Центр подобной лексикографической работы переместился в Китай, где теперь с его использованием и развитием издаются большие китайско-русские словари. Увы, не у нас. Между тем, современные электронные средства позволяют создавать практически бесконечные по объёму словари. Они насущно необходимы. Оцифровав за 1990–2000-е годы всю свою классическую литературу и создав в электронном виде практически все возможные иероглифические словари (толковые, энциклопедические, специализированные и т.д.), китайцы предоставили всему миру возможность черпать из этих драгоценных источников. Но это нами не делается! Сам китайский язык за последнее время активно развивается и обогащается. В нём образуется до тысячи новых слов в год. Но и это у нас почти никак не учитывается! За десятилетия появился только один «Китайско-русский словарь новых слов и выражений», опубликованный супругами В.Г. Бутовым и А.Л. Семеновым в 2007 году, что, разумеется, совершенно недостаточно. Словарная проблема — не только научная, но и просветительская, идеологическая, связанная с национальной

безопасностью, так как без адекватного перевода невозможен эффективный информационный контроль, в том числе в электронных коммуникациях. Если китайско-русский словарь создают носители русского языка — это одно дело, если же китайцы — совсем другое. Всё, что читают люди, у которых лежат в карманах смартфоны и прочие гаджеты, производит на них нейролингвистическое, психологическое и, в конечном счёте, идеологическое воздействие, причём в значительной степени помимо их воли. Тут и проявляет себя самая могучая мягкая сила, которой более всего озабочены в настоящее время китайские идеологи, занятые формированием позитивного имиджа КНР во всём мире.

Третья проблема касается китайского искусства. Уникальное по древности и самобытности, разнообразию и степени воздействия на культуру, оно сегодня идет вперёд семимильными шагами. А наши музеи в последний раз серьёзно пополнялись его произведениями более полувека назад, когда руководители «братской страны» дарили картины Ци Бай-ши и Сюй Бэйхуна или изделия народных мастеров. И всё! Современное китайское искусство не собирается, не выставляется и не исследуется ни в питерском Эрмитаже, ни в московском Музее Востока, не говоря уж про менее крупные музеи. Нет ничего достойного тех новых явлений и грандиозных достижений, которыми отмечено сегодня китайское искусство. Наши музейщики, искусствоведы и руководители из Министерства культуры пропустили в 1980–1990-е годы, впрочем, как и в 1950-е, редкую возможность приобрести значимые произведения китайского искусства, традиционного и современного, пока они ещё были доступны по ценам. А сейчас всё изменилось, и уже сами китайцы сформировали у себя чрезвычайно дорогостоящий рынок искусства и антиквариата, скупая по всему миру ранее вывозившееся веками из Китая и ставя при этом ценовые рекорды. Например, пару лет назад ими была куплена за фантастическую сумму в 65 млн. долларов США не картина, а каллиграфия знаменитого каллиграфа Ван Си-чжи, и даже не оригинал, а его копия эпохи Сун (960–1279). В этой роли они сменили японцев, в конце прошлого века активно превращавших свои валютные излишки в произведения искусства.

Четвёртая проблема связана с сохранением российских памятников на территории Китая и китайских — на территории России. В разных местах КНР, активно осваивавшихся нашими соотечественниками (прежде всего в Пекине, Шанхае, Мукдене/Шэньяне, Харбине и Даляне), сохранился ряд замечательных церквей, монументов, зданий и кладбищ, являющихся ценными памятниками истории и культуры. Гораздо меньше аналогичных китайских объектов в России, но от этого они ещё более значимы, ибо ценно

то, что редко. Таково, например, здание Университета трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена⁵⁸ на Волхонке, 16. В посёлке Первомайском ближнего Подмосковья, в 2012 году включённом в состав Новой Москвы, ещё сохранились строения, в которых в 1928 году проходил VI съезд КПК — единственный съезд, проведённый за границами Китая. Главное трёхэтажное здание находится просто в катастрофическом состоянии. Наблюдая за ним три года, я вижу полную заброшенность и ужасный разрушительный процесс. Лишь в этом году, во время визита в Москву председателя КНР Си Цзинь-пина, было подписано межгосударственное соглашение о сдаче этого исторического здания в долгосрочную аренду китайской стороне и о его ремонте. Причём этот дом № 18А по Парковой улице в Первомайском, ныне Троицкого административного округа Москвы, с 2011 года, когда и началось самое страшное его разрушение, в частности пожар и обрушение кровли, был признан Росимуществом объектом культурного наследия. Построенный в стиле ампира в начале XIX века в старинной русской усадьбе, устроенной в XVII в. боярином Ртищевым-Большим, а затем перешедшей к Мусиным-Пушкиным, он и сам по себе является памятником российской архитектуры и культуры в целом. Если ещё является чем-то. Наше государство должно было беречь это здание, но оно доведено до страшного разрушения. В столь же плачевном состоянии находятся и другие, связанные с проведением VI съезда КПК шедевры отечественной архитектуры — созданные архитектором В.Д. Адамовичем в 1904 году двухэтажные деревянные здания на соседней даче В.П.Берга в усадьбе Серебное, превращённой в элитный коттеджный посёлок Дворянский клуб. Предложения по решению таких проблем были изложены мною в письме к президенту РФ.

⁵⁸ *Университет трудящихся Китая имени Сунь Ят-сена*. Вуз для китайцев из Гоминьдана и КПК, действовал в Москве в 1925–1930. В 1928 г. переименован в «Коммунистический университет трудящихся Китая» (КУТК). Несмотря на протесты представителей КПК, имя Сунь Ят-сена в названии КУТК было оставлено. См.: Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ят-сена в Москве и китайская революция. Воспоминания. Перев. Л.И.Головачёва, В.Ц.Головачёв. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2009.

Руины особняка, в котором проходил VI съезда КПК. Съемка 2011 г.

Руины особняка, в котором проходил VI съезда КПК. Съемка 2013 г.

Фасад главного здания дачи В.П.Берга в усадьбе Сереброе (в прошлом - Моск. обл., ныне – Новая Москва, Первомайское). Съемка 2011 г.

Фасад главного здания дачи В.П. Берга в усадьбе Серебряное (в прошлом - Моск. обл., ныне – Новая Москва, Первомайское). Съемка 2012 г.

Если обобщить все эти проблемы, то необходима новая консолидация российского китаеведения, необходимо наращивание системной и масштабной государственной поддержки в сфере науки и образования. Необходима также модернизация существующей базы, наработанной всеми поколениями китаеведов, и более эффективное внедрение этих наработок в публичный оборот.

Да, важно внимание со стороны государства и переход на современные технологии. Безотлагательно требуются эффективные электронные программы для работы с иероглификой, масштабная, если не полная, оцифровка, как минимум, русскоязычных текстов, созданных отечественной синологией за 300 лет её существования. Всё это — огромное сокровище, в значительной части вообще рукописное или опубликованное в

малотиражных и провинциальных изданиях, труднодоступное или совсем недоступное для потребителя. Быть может, главная задача, которую я выдвинул два года тому назад, — создание электронной базы таких оцифрованных текстов под условным названием «Русский Китай».

После того, как вы написали и представили письмо президенту, какова была реакция и последствия? Был ли какой-то результат вообще?

Да, реакция была. Во-первых, я получил ответ с резолюцией тогдашнего президента Д.А. Медведева⁵⁹ «Тема важная, идеи неплохие» и указанием своим помощникам (ныне вице-преьерам) С.Э. Приходько и А.В. Дворковичу «проработать» и «доложить». Известным мне практическим результатом явилось только экстренное объявление в конце 2011 года в РГНФ целевого трёхгодичного гранта «Российское китаеведение: история, современное состояние и перспективы развития». Он охватил пять тем с максимальным финансированием каждой до двух миллионов рублей. Проект реализуется уже второй год, итоги будут подведены в следующем, 2014 году. Для участвующих в нём китаистов это — значимое подспорье, в целом равное грантовой поддержке РГНФ примерно 30 монографий. Правда, чтобы создать новую полную электронную версию «Большого китайско-русского словаря», потребуется средств раз в 10 больше. Как говорится, хорошо, но мало. Совсем недавно из Департамента науки и технологий Минобрнауки я узнал также, что большинство из моих рекомендаций было повторно рассмотрено и оценено как претворяемое в жизнь «комплексом мер», «реализуемых федеральными органами исполнительной власти, РАН и заинтересованными организациями». Иначе говоря: «Эта работа делается, и будет сделана в срок», или «Всё хорошо, прекрасная маркиза».

Вы отмечали, что сейчас имеется некая восходящая тенденция, растёт число коллег и публикаций, ширятся возможности. Оптимистичен ли ваш взгляд на перспективы развития российского китаеведения?

Да, безусловно. Тут есть ещё некая новая тенденция — поддержка от самой изучаемой страны. Китайцы в целом достаточно автаркичны и до относительно недавнего времени были сконцентрированы на самих себе, на своих собственных проблемах. С началом периода реформ в КНР произошёл просто ренессанс изучения своего культурного наследия, правда, по большей части в национальной научной парадигме, по официальному выражению «с китайской спецификой». Сейчас же в связи с созданием позитивного имиджа

⁵⁹ Медведев Дмитрий Анатольевич (1965 г.р., Ленинград). Третий президент РФ (2008–2012). Председатель правительства РФ (с 2012). Юрист, к.ю.н. (1990), окончил ЛГУ (1987).

Китая внимание обратилось вовне. Одним из элементов новой международной стратегии стала поддержка практической китаистики (например, через Институт Конфуция) и теоретических исследований китайской культуры. Пока это слабые ручейки, но живые и действенные. Другое дело, что всё диалектически имеет свою оборотную сторону. В данном случае: «кто платит, тот и заказывает музыку». Китайской стороне, конечно, интересны свои интерпретации, которые могут не совпадать с объективной реальностью, от чего точно так же не застрахованы и наши научные доноры. Могу привести позитивный пример, ставший неожиданным для нашего руководства. Как выяснилось при разговоре с президентом РФ в Кремле вслед за церемонией награждения госпремией, финансирование энциклопедии «Духовная культура Китая» было в значительной степени получено от иностранных спонсоров, прежде всего Китайского банка развития. Через четыре дня после этого знаменательного разговора, 16 июня 2011 года, также на приёме в Кремле тогдашний председатель КНР Ху Цзинь-тао лично поздравил за создание энциклопедии трёх российских учёных, в том числе вашего собеседника. В настоящее время она переводится на китайский язык в Сычуаньском университете, что тоже сопряжено с огромными усилиями и затратами. Кроме того, китайцы финансируют перевод на русский язык 4-томной «Истории китайской цивилизации», изданной Пекинским университетом в 2004 году и в 2012-м опубликованной на английском в США. Это высококачественная научная работа, русский перевод которой, безусловно, явится большим вкладом в развитие отечественной синологии.

Вы уже почти 2 года возглавляете Отдел Китая ИВ РАН, и как вам представляется его будущее, перспективы развития, включая статус внутри института?

Без ложной скромности хочу сказать, что мне нравится происходящее в отделе. Хотя в целом и вокруг ситуация тяжёлая. Нам всем приходится тяжело из-за общих штормов в Академии, и у нас в институте была нелёгкая ситуация после смены его руководства. Тем не менее, от 17 человек в отделе мы уже дошли до 25. В основном, конечно, за счёт прихода молодёжи. Пополнение молодыми кадрами — очень важно, поскольку недостаёт специалистов в целом и особенно самых дееспособных сотрудников среднего возраста. Далее, происходит расширение исследуемой тематики. Мы занимаемся и китайским искусством, и наукой, и поддерживаем традиции классической синологии в работах с первоисточниками, в текстологических штудиях и переводах. В частности, коллективными усилиями был достигнут

ещё один мировой рекорд — полный перевод на русский язык своеобразной энциклопедии древнего Китая, «Исторических записок» («Ши цзи») Сыма Цяня⁶⁰. Аналога ему нет нигде на Западе, хотя попытки делаются уже полтора века. В отличие от завершённой также в 2010 году энциклопедии «Духовной культуры Китая», работа по усовершенствованию перевода «Исторических записок» и их дальнейшему исследованию продолжается. Она проходит в координации с осуществлением ещё одного крупного проекта — по переводу следующих «нормативных историй», посвящённых эпохе Хань, и исследованию этого кардинального для всей китайской истории периода, давшего самоназвание *хань* китайскому этносу. В «ханьском проекте» наш отдел сотрудничает с кафедрой китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ, заведующий которой и большой энтузиаст М.Ю. Ульянов руководил несколькими из наших молодых сотрудников. Очень важный объективный показатель нашей работы — публикации. Я уже упомянул материалы конференции «Общество и государство в Китае», которые считаю достойным аналогом крупнейших периодических или продолжающихся изданий по синологии на Западе, тем более что членами его редколлегии являются известные учёные из Франции, Германии и Польши. В прошлом году мы издали 112 статей в 3-х книгах объёмом в 82 авторских листа, в этом — 96 статей в 2-х книгах объёмом в 66 авторских листов. Ежегодно самые свежие синологические исследования максимально широкой тематики отражаются на страницах этого издания, выходящего в свет уже 43 года. Сверх того, с 2009 года оно включено в формат нашей фирменной серии — «Учёных записок Отдела Китая», публикующих также монографии и сборники. За последнее время мы вышли на новый рубеж по публикации монографий, коллективных трудов и переводов, каждый год силами отдела выпуская около 10 книг. Это очень хороший количественный показатель, рекордный по Академии и двукратно превосходящий среднюю статистику по нашему институту. И с качеством всё в порядке: книги выходят весьма солидные. К примеру, подробно прокомментированные переводы фундаментальной классики: помимо уже отмеченных «Исторических записок», 1-го тома конфуцианского канона «Чжоу ли» («Чжоуская/всеохватная благопристойность») в 2010 году, 3-го тома свода законов эпохи Мин и 4-го выпуска «Материалов по истории кочевых народов в Китае III–V вв.» в 2012. В этом же году увидело свет собрание трудов патриарха отечественной и мировой синологии С. Кучеры

⁶⁰ *Сыма Цянь* 司馬遷 (145–86 до н.э.). Великий историк, мыслитель, «отец китайской истории», создатель выдающегося памятника китайской историографии «Ши цзи» («Исторические записки»). См.: Перевод с китайского с комментариями, т. 1–9. — М., 1972–2010. В 2010 г. в России завершён полный перевод на русский язык труда Сыма Цяня.

«История, культура и право древнего Китая», а в следующем, 2013 — посвящённое ему редкое по авторитетности состава участников собрание трудов «Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры». С 2011 года были опубликованы монографии сотрудничающего с нами из Китая С.Н. Гончарова, безвременно ушедшего из жизни В.Е. Еремеева, М.А. Неглинской, Ю.В. Чудодеева и вашего покорного слуги, серьёзные сборники, посвящённые юбилеям В.С. Мясникова, Ю.В. Чудодеева и Синьхайской революции. Уже из приведённого списка видно, что практически по всем основным синологическим дисциплинам мы регулярно что-то выдаём на-гора. Стараемся не отставать от веяний современности, развивая отдельский сайт okivran.ru и единственный научный сайт по синологии на русском языке synologia.ru, который был поддержан упомянутым целевым грантом РФНФ. Мы выкладываем на нём все последние тома «Общества и государства в Китае» в формате, более совершенном, чем у таких известных и мощных электронных баз, как *Википедия* или *Кругосвет*. В частности, потому что у нас даются перекрёстные ссылки и все статьи — авторские. Когда известно, кто автор, возникает дополнительный критерий качества.

В последнее время в отделе Китая и на конференциях появляется всё больше талантливых молодых китаеведов, энтузиастов своей профессии. Что бы вы могли пожелать молодым людям, которые пускаются в этот трудный путь? Как нужно жить и работать, чтобы стать успешным китаеведом?

Вы правы, и я очень рад этим новым тенденциям. Действительно, кадры решают всё. Когда появляются учёные-энтузиасты, вокруг группируются увлечённая ими молодёжь, и этот духовный пламень передаётся дальше. Китаеведение — дело прекрасное и увлекательное, но, безусловно, очень тяжёлое. Поэтому можно пожелать молодёжи упорства, твёрдости, выдержки. Терпение и труд всё перетрут. Что касается более конкретных пожеланий, то могу предложить научный принцип: метод — аналог предмета. Он означает, что надо по-китайски подходить к Китаю, у которого есть две отличительные особенности. С одной стороны, это в хорошем смысле очень инерционная и стабильная система, которую даже называли огромной «консервной банкой». Она полна здорового консерватизма, ориентирована на сохранение своих истоков, корней и традиционных достижений. С другой стороны, китайцы мобильны, реактивны и восприимчивы. Они способны быть очень пластичными и схватывать всё самое актуальное, что показывает развитие современного Китая. Поэтому молодым китаеведам следует, подобно китайцам, совмещать глубокое

освоение классической синологии, базовых текстов, *вэньяня* и т.п. с широкоохватным вниманием к новым явлениям, источникам и инструментам получения информации, в первую очередь, электронным и связанным с китайским интернетом. Часто между этими подходами пролегает незримая, но труднопреодолимая граница. Одни могут одно, другие — другое. Это связано с владением полными или сокращёнными формами иероглифов, *вэньянем* или *байхуа*, и т.д. Но, если суметь соединить первое со вторым, эффект превзойдёт все ожидания.

Буквально на днях вы впервые совершили поездку во Владивосток. Что интересного вы увидели и нашли для себя на Дальнем Востоке как китаевед?

Я с большим удовольствием побывал там, потому что давно хотел посетить этот стратегический центр мирового значения — форпост дальневосточного региона России, объект геополитических интересов соседних держав и одновременно один из важнейших очагов отечественного востоковедения. Я сейчас много занимаюсь историей российской китаистики. Недавно в этой связи был и в Казани, где нашёл кое-что интересное в архиве. Владивосток очень впечатлил своей особой контрастностью — и в природе, и в культуре. Ведь впечатляют именно контрасты, скажем, разрыв между возможностью и действительностью. В данном случае восхитили беспримерное природное, ландшафтное богатство и материализованная энергия людей, пришедших в столь далёкий дикий край и в поразительно тяжёлых условиях, создавших такой прекрасный город. Можно представить, какой первозданный хаос тут был изначально. Схожее впечатление на меня произвёл в своё время Харбин. Там в храме Святой Софии, ныне действующем как музей, висят фотографии города 1898 и 1908 годов. За какие-то 10 лет на месте, где были только лужи и грязь, поднялись красивейшие здания в стиле модерн. Так же во Владивостоке, в полном захолустье, вдали от культурных и некультурных столиц, на краю ойкумены, смелые усилия и упорный труд, даже хочется сказать: пассионарность, за исторически короткий срок создают значимый очаг цивилизации. Но, с другой стороны, тут же проявляется борьба двух сил — божественных и дьявольских. Позитивный созидательный потенциал наталкивается на разрушительные тенденции, которые всё время не позволяют ему реализоваться полностью. С учётом масштаба действовавших там людей, богатства природных источников, выгоды географического положения, близости к Китаю, Японии и Корее, всех тех возможностей, которые там появились в конце XIX — начале XX в., до катастрофы 1917 года, можно

было добиться бог знает чего! И центр изучения Китая мог туда переместиться. Но какая-то невидимая страшная рука всё это разрушала. Люди гибли, книги исчезали, культурные образования разорялись. Там были специалисты, работавшие на мировом уровне и выше. Они владели многими языками и были хорошо знакомы с культурой соседних стран. Но всё это куда-то исчезало, гибло, потом воссоздавалось или изобреталось заново, и так далее по дьявольской синусоиде.

Как китаевед что вы для себя обнаружили важного и интересного?

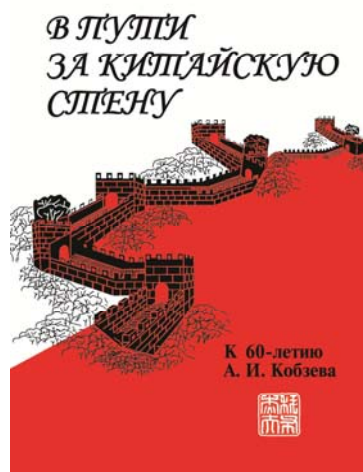
Во-первых, там находится целый ряд редких и любопытных ксилографов, которые хранятся в библиотеке Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, но до сих пор не освоены и по-настоящему не изучены. Несомненный интерес представляет Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, открывшийся только в середине сего года, а до этого 15 лет закрытый. Ценные библиотеки, включающие редкие издания русской эмиграции в Китае, принадлежат отделению Географического общества и, конечно, Дальневосточному федеральному государственному университету, в котором есть даже музей редкой книги. Много интересного писалось и публиковалось в довоенные годы, когда существовал Восточный институт. Статьи, журналы и книги, выходившие в соседнем зарубежном центре китаистики, в Харбине, тоже легко попадали во Владивосток. К сожалению, в силу известных политических обстоятельств достижения дальневосточной синологии вовремя не вошли в общий оборот отечественного китаеведения и до сих пор недооценены и недоосвоены. Совершенно незаслуженно в категорию нон-грата попали и люди, и тексты. Надо бы сейчас оцифровать и сделать общедоступными эти формально периферийные, но по существу очень важные научные достижения, переосмыслить их и интегрировать в современную науку. Следует поднять архивы, включая не только рукописи, но и малотиражные издания. Это очень важная задача!

Кстати, в письме к президенту ещё одним из моих предложений по стратегии развития китаеведения было создание «терминалов» постоянного присутствия учёных на исследуемой территории. Чтобы специалисты могли регулярно и длительно находиться в изучаемом регионе. Это особенно актуально сейчас, потому что Китай быстро изменяется. За молниеносно происходящими переменами нужно пристально следить, и делать это должны специалисты. К сожалению, как справедливо отмечает в нескольких публикациях компетентный российский журналист-синолог А.Т. Габуев, по числу присутствующих в Китае экспертов, ответственных за стратегическую

информацию о нём, мы находимся просто в бедственном положении. Например, даже весь корпункт ИТАР-ТАСС в Пекине составляют 3-4 человека, а у американцев там каждая крупная газета или журнал имеют подобные команды. У нас и общее число синологов на порядок меньше, чем в США. Кроме того, на Западе практически у каждого крупного сиолога есть китаец-консультант, а новоявленная когорта синологов-китайцев даже теснит там самих «аборигенов». У нас же консультанты — носители языка и природные знатоки своей культуры фактически исчезли как класс. В 1960–1970-е годы и у нас в отделе работали 2-3 консультанта-китайца. Я ещё застал это благодатное время, а сейчас их и в помине нет. Поэтому достаточное присутствие в стране изучения для нас столь важно. В этом смысле Владивосток имеет огромные преимущества. Прежде всего, близость расположения обуславливает дешевизну и удобство поездок в Китай. Оттуда можно изучать соседнюю страну и шире, и глубже. В этом надо учиться у китайцев и создавать для специалистов льготные условия работы. Миром овладевает цивилизация знания, где информация решает всё!.. А мы запаздываем и, к сожалению, государственное видение стратегической роли синологии ещё не сформировалось. Честно сказать, и в отношении самого Китая такого видения пока нет. То, что мы слышим сверху из разных уст — разноречиво и даже противоречиво. Подобно орлу на своём гербе, смотрим сразу в обе стороны — на Запад и на Восток, до сих пор не решив, какая для нас привлекательнее...

Опубликовано в первой редакции: *Кобзев А.И.* «Воспоминанья длинный список...» (интервью-дискуссия-ретроспекция-аналитика). Концептуальное интервью юбиляра // В пути за Китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2014, с. 35 – 92.

Обложка юбилейного сборника 2014 г.